

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Кафедра гражданского права и процесса

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ
В ГЭК

Заведующий кафедрой,
кандидат юридических наук, доцент

 Т.В.Краснова
06 декабря 2019 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистра

**СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ НАРУШЕННЫХ ВЕЩНЫХ ПРАВ В
ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

40.04.01 Юриспруденция
Магистерская программа «Гражданское и семейное право»

Выполнил работу
Студент 3 курса
заочной формы обучения

Абрамов
Станислав
Владимирович

Научный руководитель
канд. юрид. наук, доцент

Романчук
Сергей
Владимирович

Рецензент
Судья Курганского городского суда
Курганской области

Валюшина
Альбина
Робертовна

Тюмень
2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	3
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	4
ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О СПОСОБАХ ЗАЩИТЫ НАРУШЕННЫХ ВЕЩНЫХ ПРАВ	10
1.1 Понятие и значение способов защиты вещных прав	10
1.2. Классификация форм и способов защиты вещных прав	25
ГЛАВА 2. ХАРАКТЕРИСТИКА ОТДЕЛЬНЫХ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ НАРУШЕННЫХ ВЕЩНЫХ ПРАВ	43
2.1 Виндикационный иск.....	43
2.2 Негаторный иск	50
2.3 Признание вещного права.....	58
2.4 Иск об исключение описи из состава изъятого имущества.....	67
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	80
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	85

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

ВАС РФ – Высший арбитражный суд Курганской области

ВС РФ – Верховный суд Российской Федерации

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации

ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации

ЕГРН – Единый государственный реестр недвижимости

ЖК РФ – Жилищный кодекс Российской Федерации

КС РФ – Конституционный суд Российской Федерации

РФ – Российская Федерация

ФЗ – Федеральный закон

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность выбранной темы обусловлена заинтересованностью государства и общества в развитии неприкосновенности частной собственности. Расширение возможностей собственников в условиях развития рыночной экономики повлекло неизбежное столкновение их интересов, которое часто связано с нарушением вещных прав. В гражданский оборот после проведения масштабной приватизации были введены объекты недвижимости, с конца 90-х годов XX века начал действовать механизм регистрации прав на недвижимое имущество, что способствовало возникновению новых вопросов в правовой доктрине, практике применения гражданского законодательства, которые влекут необходимость совершенствования законодательства. То есть, необходимость изучения вопроса способов защиты вещных прав основана на том, что судебная практика и гражданский оборот вносят коррективы, которые вынуждают законодателя усовершенствовать правовое регулирование данных правоотношений.

Кроме того, гражданское право специфично тем, что стороны правоотношений юридически равны и независимы, они наделены возможностью самостоятельной реализации правомочий в зависимости от того права, на котором им принадлежит имуществом. В таких условиях изучение способов защиты вещных прав, проблем, которые существуют в данной сфере, необходимо как для получения теоретических выводов и обобщений, так и для практического применения.

В современной цивилистике проблемы защиты вещных прав недостаточно разработаны с точки зрения комплексного исследования вопроса, монографические и диссертационные исследования в большинстве своем посвящены проблемам понятия и правовой природы вещных прав, отдельным вещным правам (в основном, праву собственности), способам защиты отдельных вещных прав, способам и формам защиты отдельных прав.

Исследования перечисленных вопросов проводили А.В. Германов, С.А. Каснова, Д.В. Лоренц, А.А. Новоселова, Т.П. Подшивалов, Е.А. Суханов, Д.А. Формакидов, Л.В. Щенникова.

Актуальность работы связана и с тем, что в настоящее время гражданское законодательство реформируется, данная реформа должна затронуть и положения о защите вещных прав. В настоящее время регулирование способов защиты вещных прав является фрагментарным, в гражданском законодательстве нормативно закреплены только несколько из фактически применяемых способов защиты вещного права. Такое нормативное несовершенство влечет не только отсутствие определенности в круге способов защиты вещных прав, но и неопределенность в их соотношении. Одним из наиболее актуальных вопросов на сегодняшний день является отсутствие в законодательстве указаний на связь способов защиты вещного права с государственной регистрацией недвижимости, несмотря на то, что большая часть споров о правах на недвижимость осложнена наличием или отсутствием регистрации.

Подмена правовых норм положениями, разработанными судебными органами, недопустима, что осознается законодателем и подталкивает его к проведению концептуальных разработок в сфере законодательного регулирования защиты вещных прав. Проект федерального закона, которым планируется внести изменения в раздел II Гражданского кодекса РФ, содержит положения об изменениях, которые позволят упорядочить систему вещных прав, а также дополнить ее недостающими нормами, так, планируется закрепление новых видов вещных прав. В законопроекте закреплены и предложения, которыми должна быть усовершенствована вещно-правовая защита, в частности, содержатся нормы, которыми закреплены исключение из описи и признание вещного права в качестве способов вещно-правовой защиты. В то же время законопроект в данной части все же нельзя назвать совершенным, поскольку в нем не достаточно урегулированы условия

применения названных способов защиты, не урегулирован вопрос об оспаривании зарегистрированного права на недвижимость.

Настоящая работа заключается в анализе положений гражданского законодательства о способах защиты вещных прав. Действующее законодательство не определяет перечень исков, которые могут быть одним из способов защиты вещного права. Кроме того, в законодательстве отсутствуют и достаточно четкие и понятные для однозначного толкования критерии, в соответствии с которыми иск, направленный на защиту вещного права, может быть отнесен к одному из названных в законе. Отсутствие таких недостатков позволило наиболее эффективно реализовать право на защиту вещных прав.

Объект работы – общественные отношения, возникающие в сфере защиты нарушенных субъективных вещных прав посредством реализации отдельных способов защиты.

Предмет работы – теоретические достижения ученых-цивилистов различных периодов, законодательство, материалы правоприменительной, в том числе судебной, практики.

Цель работы состоит в комплексном исследовании теоретических достижений, законодательства и правоприменительной, в том числе судебной, практики в области защиты нарушенных субъективных вещных прав участников гражданского оборота.

Для выполнения указанной цели в работе поставлены следующие задачи:

- рассмотреть понятие, источники и правовое регулирование способов защиты вещных прав;

- проанализировать виды способов защиты вещных прав;

- исследовать виндикационный иск, негаторный иск, иск об исключении из описи и иск о признании права в качестве способов защиты вещных прав.

- выявить проблемные аспекты защиты нарушенных вещных прав, разработать рекомендации по совершенствованию законодательства и судебной практики

В работе использовались такие общенаучные методы как: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, а также специальные методы научного познания: формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой, историко-правовой.

Теоретическую основу исследования составляют труды Р.С. Бевзенко, А.В. Германов, С.А. Каснова, Д.В. Лоренц, С.В. Моргунов, А.А. Новоселова, Т.П. Подшивалов, Е.А. Суханов, Д.А. Формакидов, Л.В. Щенникова и иных авторов из которых автор почерпнул проблемы реализации способов защиты вещных прав, их соотношение.

Нормативную базу работы составили Гражданский кодекс Российской Федерации, нормы которого играют главную роль в сфере выбора и реализации способов защиты вещного права. Также в работе частично затронуты положения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в той части, которая касается процесса рассмотрения исков о защите вещных прав.

Эмпирическую базу исследования составили акты Конституционного Суда РФ, Верховного Суда Российской Федерации, а именно Постановления Пленума ВС РФ, а также постановления судов общей юрисдикции субъектов Российской Федерации и арбитражных апелляционных и окружных судов.

Теоретическая значимость работы заключается в анализе теоретических исследований правовой природы исков, направленных на защиту вещных прав, их разграничении, что влияет на выбор правовых норм, подлежащих применению в том или ином случае. В работе выводятся и защищаются положения о том, что действующее законодательство не определяет конкретный перечень исков, которые могут быть поданы в рамках того или иного способа защиты вещного права. Кроме того, в законодательстве отсутствуют и достаточно четкие и понятные для однозначного толкования критерии, в соответствии с которыми иск, направленный на защиту вещного права, может быть отнесен к одному из названных в законе. Отсутствие таких

недостатков позволило наиболее эффективно реализовать право на защиту вещных прав. Теоретическая значимость работы также заключается в формулировке выводов, которые могут быть использованы при дальнейшей разработке настоящей темы.

Практическая значимость работы состоит в более детальном и полном изучении положений законодательства и направлений судебной практики относительно проблемных вопросов защиты вещных прав. Кроме того, полученные выводы могут быть использованы в качестве основы для совершенствования законодательства и судебной практики, включая разъяснения Пленума ВС РФ.

Структура работы соответствует поставленным целям и задачам, состоит из введения, двух глав, в которые включены шесть параграфов, заключения и списка используемых источников.

ГЛАВА 1 ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О СПОСОБАХ ЗАЩИТЫ НАРУШЕННЫХ ВЕЩНЫХ ПРАВ

1.1 Понятие и значение способов защиты вещных прав

В российском праве дореволюционного периода не сложилась единая терминология вещного права. Однако в доктрине был выработан подход к этому вопросу, который учитывал зарубежные кодификации вещных прав того времени. Полноценный институт вещного права, как подотрасль гражданского права, в России появился только в XIX веке, во второй его половине, когда было отменено крепостное право.

Основной проблемой доктрины и законодательства того времени в литературе называют отсутствие единой терминологии. Так, в части 1 тома X Свода законов Российской Империи использовался термин «права на имущество». В большинстве случаев этот термин подразумевал именно вещные права.

Ограниченные вещные права в дореволюционном законодательстве назывались неполными правами собственности (на имущество). В большинстве случаев в законе и доктрине того времени к вещным правам относили и другие права, абсолютные по своему характеру. В частности, это относится к авторским правам, патентные и др. Это было закреплено в статье 740 Гражданского уложения.

В то же время в XIX веке уже выделялись признаки вещного права относительно права обязательственного. В дореволюционном русском праве ограниченные вещные права относились только к недвижимости, что придавало этим отношениям такую прочность, которой не было в обязательственных правах [78, с. 33].

Что касается советского периода, то земля была изъята из оборота, она была объявлена всенародным достоянием, переведена в пользование всех

трудящихся. Такая формулировка позволяла в теории выделять особый правовой режим, который называли режимом всенародного достояния, отличающимся от государственной собственности [67, с. 33-34].

В дальнейшем законодательством было закреплено, что земля находится в собственности государства. В этот период владение землей осуществлялось только на праве пользования. Однако это право не считалось вещно-правовым, поскольку не было включено и в систему гражданско-правовых отношений. В литературе подчеркивалось, что пользователи земли находятся в административно-правовых отношениях с государством. Это касалось и бесплатного бессрочного пользования землей колхозами.

То есть, несмотря на то, что в праве использовались термины «право владения» и «право пользования», землепользование носило публичный характер, оно не было включено в область гражданского права [31, с. 611]. Отмена частной собственности повлекла упразднение деления вещей на движимые и недвижимые. Это было основано на исключении из оборота главного объекта недвижимости – земельных участков.

В качестве вещных были сохранены только право застройки и право залога. Первое было отменено в конце 1940-х годов, а второе стало рассматриваться в качестве института обязательственного права, то есть как способ обеспечения исполнения обязательств, что было положено в основу современной трактовки данного права как вещно-обязательственного. В 1964 году было упразднено вещное право, а его заменило право собственности.

В 1980-1990-х годах стала готовиться новая нормативная база, в которой одной из основных задач стала борьба со сложившимся подходом к вещному праву. В законодательство в 1990-х годах была возвращена категория вещных прав. Было признано существование частной собственности, а также были включены нормы об ограниченных вещных правах.

В советский период (с 30-х годов XX века) отсутствие права собственности привело к тому, что отсутствовали его теоретические

разработки. Присутствовало «пренебрежение традиционным делением правоотношений на вещные и обязательственные тем, что наука гражданского права не смогла показать полезность указанного разграничения и место, где оно может быть практически использовано» [59, с. 234]. С 60-х годов вещные права в теоретических исследованиях перестали встречаться.

Результатом стало отсутствие единого подхода в современной литературе относительно содержания института вещных прав. Некоторыми учеными вещное право рассматривается в качестве термина, который используется лишь в теории, а не в качестве юридической дефиниции [44, с. 402].

Все объекты гражданских прав делятся на материальные и нематериальные блага. К первой группе относится имущество, вещи, интеллектуальная собственность. Вторую группу составляют нематериальные блага: здоровье, жизнь, достоинство и др. Вещные права образуют особый гражданско-правовой режим, который отличается от обязательственных, исключительных и корпоративных прав.

Под вещами понимаются объекты материального мира, направленные на удовлетворение потребностей. К вещам, также относятся ценные бумаги. Классификация вещей осуществляется по разным основаниям. Например, вещи делятся на полностью оборотоспособные, ограниченные в обороте и изъятые из оборота. Кроме того, одной из основных классификаций вещей является деление на движимые и недвижимые. Также выделяют вещи неделимые и делимые, главными и принадлежностью, и другое.

Вещи могут быть определены индивидуально или определяться родовыми признаками (родовыми вещами). Определенные индивидуальными признаками вещи считаются те, которые могут быть индивидуализированы с помощью указания на их родовую принадлежность, а также меру качества и количества. Индивидуально-определенными считаются вещи, которые выделены из рода подобных им вещей. Они отграничены от того же рода физически.

По сравнению с обязательственным правом, которое традиционно противопоставляется праву вещному, последнее характеризуется юридической прочностью и обеспеченностью. Эта прочность выражается во власти над вещью, которая не зависит от смены владельца. Что касается обязательственных отношений, то поведение должника (обязанной стороны) находится под властью кредитора, а не вещь.

Вещное право подразумевает возможность управомоченного лица удовлетворять потребности только собственными действиями, вне зависимости от поведения других лиц.

В связи с этим способом защиты управомоченного лица является требование о передаче ему самой вещи, а не требование о компенсации убытков, как в обязательственных отношениях.

Таким образом, вещные права можно охарактеризовать следующими отличительными чертами. Вещное право устанавливает господство лица над вещью, не затрагивая поведение другого лица, как в обязательственных правах. Вещные права оформляют непосредственное отношение к вещи лица. Это отношение предоставляет лицу возможность использовать данную вещь в своих интересах без участия иных лиц [78, с. 33]. В то же время в обязательственных отношениях правомочное лицо способно удовлетворить свой интерес только посредством совершения действий обязанным лицом.

Приведенная характеристика вещных прав не позволяет появляться новым видам вещных прав, которые не известны закону, а также изменять содержание вещных прав субъектами. В обязательственных отношениях стороны связаны только друг с другом, на этом основан диспозитивный характер их регламентации. Поэтому участники обязательственных отношений могут сами создавать права, а не только использовать те, которые предусмотрены законом.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что вещным правом следует считать абсолютное субъективное гражданское право лица, которое

предусмотрено законом и предоставляет такому лицу возможность господства над определенной вещью, а также возможность отстранения от вещи других лиц и возможность защиты своего права гражданско-правовыми исками.

Возможность существования частной собственности появилась в постсоветский период с вступлением в силу Закона о собственности 1990 года [12, т. 416] и Основ гражданского законодательства 1991 года [11, ст. 733]. Этими нормативными актами была восстановлена категория вещных прав. Стало допускать не только право собственности, но и другие вещные права на земельные участки. Кроме того, Основами законодательства было восстановлено деление всего имущества на движимое и недвижимое. В дальнейшем закрепление указанные положения получили в части 1 ГК РФ.

Восстановление в законодательных актах категории вещных прав не до конца соответствовало традиционным представлениям о данном институте права. Например, разделы основ законодательства и ГК РФ были названы «Право собственности и другие вещные права», а не вещное право.

От классического подхода российское законодательство отступило в силу длительного отсутствия права собственности на землю, а также понятий «вещные права» и недвижимости. Сложившийся порядок, когда большая часть земельных участков принадлежит государству, а возводимые на них здания – частным лицам, привела к тому, что стало допускаться отчуждение здания, поскольку оно рассматривалось в качестве самостоятельного объекта.

Это отразилось и в нормах законов, которыми допускалось отдельное отчуждение строений или сооружений и земельных участков, на которых они расположены. Такие нормы, например, присутствовали в статьях 552, 553 ГК РФ в первоначальной редакции [55, с. 7]. В дальнейшем статья 553 ГК РФ утратила силу, а в статью 552 ГК РФ внесены изменения, которыми определено, земельный участок следует судьбе расположенного на нем недвижимого имущества.

Сегодня основу нормативного регулирования категории вещных прав составляет раздел II ГК РФ «Право собственности и другие вещные права», в котором закреплены субъекты собственности, формы собственности, порядок приобретения и прекращения права собственности, положения о других вещных правах.

Кроме ГК РФ вещное право основано на земельном законодательстве, которое было обновлено кардинально, однако это произошло значительно позднее гражданского законодательства, нередко не соответствуя ему. Например, в Земельный кодекс РФ было включено значительное количество гражданско-правовых норм, которые не соответствовали общим нормам, содержащимся в ГК РФ.

В земельном законодательстве установлен один из основных принципов земельного права - единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, в то время как в первоначальной редакции ГК РФ отсутствовало данное положение.

Важным элементом вещного права в законодательстве является жилищное законодательство. С 1991 года разрешена приватизация жилья. Жилые помещения стали признаваться самостоятельными недвижимыми вещами, которые представляли собой, по сути, не составные части единой неделимой вещи. Такое положение в жилищном законодательстве привело к отрицанию существования в качестве единого объекта здания. В то же время отдельной вещью стало признаваться общее имущество дома. Гражданско-правовой оборот жилых помещений, как и нежилых, осуществлялся в отрыве от прав на земельные участки.

Согласно Конституции РФ ни один человек не может быть лишен принадлежащего ему имущества кроме случаев наличия соответствующего решения суда. Принудительное отчуждение имущества допускается только для государственных нужд на основании равноценного возмещения.

В нашей стране гражданское законодательство основано на признании неприкосновенности права собственности. Законом определены основания возникновения данного права, порядок осуществления и прекращения.

Важно отметить, что неприкосновенность собственности провозглашается в части 1 статьи 1 ГК РФ, что составляет основную идею гражданского законодательства.

Однако провозглашение неприкосновенности собственности является недостаточным для реализации данного права. Для его обеспечения требуется создание определенного юридического механизма, состоящего из определенных элементов.

Таким образом, развитие законодательства о праве собственности и иных вещных правах проделало длительный путь становления. Неоднократно вносились изменения в основной нормативный акт, которым регулируются вещные права – Гражданский кодекс РФ. Постепенно менялась концепция относительно прав на земельные участки и расположенные на них здания, в итоге установилось правило об их единой судьбе. На сегодняшний день законодательство довольно четко регламентирует права собственника, на конституционном уровне закреплена неприкосновенность собственности. В ГК РФ меньше внимания уделяется другим вещным правам. В то же время они регламентированы другими нормативными актами специального характера, такими как Земельный кодекс РФ и Жилищный кодекс РФ.

Возможность беспрепятственного осуществления гражданских прав выступает одним из принципов, на которых построено гражданское законодательство. Так, в части 1 статьи 1 ГК РФ указано не только на необходимость осуществления гражданских прав беспрепятственно, но и на право восстановления нарушенных прав и их судебной защиты.

Указанное положение построено на нормах статьи 46 Конституции РФ, которой каждому гарантирована защита прав и свобод в судебном порядке, и

никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в суде в том составе суда, который определен законодательством.

Законодательством, которым регулируется деятельность судебной системы, также определяется, что защита и восстановление нарушенных и оспариваемых прав является одной из основных задач, которые стоят перед судебной системой.

В науке гражданского права понятию и сущности права на защиту уделяется достаточно внимания. Представляется, что это связано с высокой актуальностью проблематики. Из этого следует большое количество позиций и взглядов на понятие права на защиту.

Одни исследователи полагают, что право на защиту является элементом любого субъективного права. Другие ученые утверждают, что право на защиту является самостоятельным субъективным правом. Оно включает в себя правомочия на совершение лицом действий, а также полномочия требовать от обязанного лица определенного поведения.

Развитие правовой науки в XIX веке привело к тому, что стала развиваться новая мысль о том, что в субъективном смысле право выступает пределом внешней свободы, ограниченной юридическими нормами [81 с. 152]. Одновременно в этот же период получила распространение точка зрения, в соответствии с которой в субъективном смысле правом следует считать все действия (или бездействие), выполнение которых обеспечено объективным правом.

Однако до сегодняшнего дня не изменился подход к определению субъективного права, который был выработан Д.И. Мейером, полагавшим, что правом следует считать такую меру, которая определяет пределы действия лица, проживающего в обществе. Именно в указанных пределах каждый вправе совершать определенные действия [64, с. 222].

Таким образом, речь о взаимосвязи возможного и дозволенного велась уже в правовой литературе дореволюционного периода. Развитие доктрины в

направлении изучения категории субъективного права в дальнейшем характеризуется как поступательное. В частности, советская юридическая литература оценивала субъективное право как возможность, предоставленную лицу, которая приводится в действие посредством использования аппарата государственного принуждения [80, с. 481].

Например, правовед С.Н. Братусь определял субъективное право в качестве меры допустимого поведения лица в пределах предоставленных ему полномочий, которая обеспечивается законодательством и действиями обязанных лиц [33, с. 10-13]. В то же время ученый О.С. Иоффе высказывался в своих трудах о субъективном праве как о средстве, которым осуществляется обеспечение такого поведения граждан в государстве, которое соответствует интересам последнего [51, с. 55].

Говоря о субъективном гражданском праве следует отметить, что такими правами наделены участники имущественного оборота, поэтому такие права должны быть реально осуществимыми. Субъектом прав должны быть предоставлены возможности, связанные с пресечением нарушения прав, а также с восстановлением прав, если они нарушены. Субъекты права также должны иметь право получения компенсации потерь, которые вызваны нарушением субъективных прав.

Следует согласиться с тем, что если субъективное право не обеспечено от нарушения определенными средствами защиты, оно является декларативным, а «возможность правоохранительного характера включается в само содержание субъективного материального требования как одно из его правомочий» [45, с. 217].

Также необходимо согласиться с тем, что каждое субъективное гражданское право имеет реальное значение для определенного субъекта в том случае, если это право может быть защищено или действиями управомоченного субъекта или действиями определенных уполномоченных органов.

При этом право на защиту представляет собой один из элементов, которые входят в состав каждого субъективного гражданского права, это одно из правомочий субъектов. То есть, можно говорить, что субъективное право на защиту представляет собой возможность управомоченного лица применять меры правоохранительного характера для пресечения действий, нарушающих право или для восстановления нарушенного права, эта возможность закреплена юридически.

Что касается содержания права на защиту, то оно определено системой норм гражданского материального и процессуального права, которыми устанавливаются содержание правоохранительной меры и основания применения данной меры, круг лиц, которые наделены полномочием по применению меры, права субъектов материально-правового и процессуального характера, процессуальный и процедурный порядок применения меры.

Точки зрения ученых-юристов дореволюционного периода были основаны на правовой природе изучаемого явления, однако, при этом принимались во внимание и частноправовое восприятие субъективного права. Так, распространенной являлась точка зрения о том, что любое субъективное право построено на таких составляющих, как: лицо (или субъект), которое им наделено; предмет, которым обеспечивается удовлетворение права; защита, которой обеспечивается реализация права [38, с. 380]. Кроме того, в качестве одного из основных составляющих субъективного права называлась возможности применения юрисдикционной защиты. Следует отметить, что в современной науке такая позиция поддерживается.

Что касается других составляющих субъективного права, то большинство исследователей данного вопроса придерживаются мнения о том, что такие составляющие отделимы от субъекта права, эти составляющие подчинены интересам данного субъекта, кроме личных прав, не относящихся к материальным благам.

С развитием же советской юридической доктрины мнения ряда авторов стали сходиться в том, что субъективное право состоит из двух правомочий, то есть из возможности совершения дозволенных поступков лицом, а также из наделения данного лица правом требовать того или иного действия от другого (обязанного) лица [61, с. 72-82]. Однако приведенная точка зрения не являлась единственной, другие исследователи утверждали, что субъективное право состоит из трех элементов, где в дополнение к двум названным элементам следует добавить право притязания.

Кроме приведенных позиций в советской правовой литературе существовало мнение о том, что субъективное право является одновременным существованием нескольких возможностей, таких, как мера и вид поведения субъекта права; наделение его право требовать предусмотренного законом поведения от других лиц, в чем и состоит реализация права; наличие возможности использования при необходимости государственный аппарат, который путем применения принуждения обеспечивает реализацию иных составляющих субъективного права [30, с. 108-109].

Н.И. Матузов в содержание субъективного права включает возможность определенного поведения, требования от другого лица определенного поведения, возможность получить государственные меры принуждения, а также возможность использования определенного социального блага [63, с. 138].

Таким образом, право на защиту представляет собой как возможность применения способов защиты субъективных прав самим управомоченным лицом, так и возможность обращения этого лица к правоохранительным органам или в суд с целью применения мер государственно-принудительного характера к правонарушителю.

В соответствии с позицией многих ученых то обстоятельство, что субъективное право обязательно должно быть обеспечено возможностью государственного принуждения, представляет собой его неотъемлемое

качество. При этом возможность государственного принуждения не существует наряду с другими возможностями, которые образуют содержание субъективного права, она свойственна самими этим возможностям, поскольку иначе их нельзя было бы назвать юридическими возможностями.

Содержание субъективного права определяется такими правомочиями, как возможность осуществления собственными действиями субъективного права, возможность требовать определенного поведения от обязанного лица, а также возможность обращения в суд за защитой нарушенного или оспариваемого права.

Например, в настоящее время в литературе встречаются высказывания о том, что субъективные гражданские права могут являться объектами права собственности. Многие исследователи, в то же время, следуют традиционным представлениям о праве собственности.

Разница во взглядах касательно субъективного права объясняется тем, что признание субъективных прав на уровне законодательства произошло достаточно недавно. Оно не подкреплялось нужной теоретической разработкой вопроса. Поэтому представляется, что данный вопрос не перестанет быть предметом дискуссий.

Многими авторами допускается установление вещного права на другие субъективные права, а в научных исследованиях вещных прав обсуждаются вопросы терминов и принадлежности субъективных прав. Правовое регулирование субъективных прав построено на основании порядка оборота вещей.

Сторонники позиции, согласно которой субъективные права могут являться объектами вещных прав приводят положения законодательства. Например, в соответствии со статьей 209 ГК РФ имущество является объектом права собственности. Имущественные права включены в состав имущества (статья 128 ГК РФ).

Согласно пункту 1 статьи 66 и пункту 3 статьи 213 ГК РФ предусмотрено право собственности юридических лиц на то имущество, которое передано им в качестве вкладов участниками. Вкладами могут быть и права, имеющие денежную оценку.

Кроме того, ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» определены объекты, которые не способны выступать в качестве предмета обеспечения исполнения обязательств должником. В этой норме прямо говорится о принадлежности имущественных прав должнику, как на праве собственности, так и на праве хозяйственного ведения.

По мнению других ученых объектом вещного права являются только индивидуально-определенные вещи. Поэтому право и называется вещным. Эта позиция обоснована тем, что правомочия, которые входят в состав вещных прав, не соответствуют природе субъективных прав, которые являются нематериальными благами [65, с. 134-141].

Таким образом, право на защиту следует определить в качестве возможности, которая предоставлена управомоченному лицу, состоящую в применении мер правоохранительного характера, направленных на восстановления его нарушенного или оспариваемого права.

Однако данному пониманию права на защиту противопоставляется другое мнение, которое высказывается в юридической литературе. В соответствии с данным мнением право на защиту является самостоятельным субъективным правом. Это право у обладателя регулятивного гражданского права появляется в связи с нарушением или оспариванием его прав. Данное право реализуется в пределах возникающего при этом охранительного гражданского правоотношения.

Следует отметить, что, например, А.П. Сергеев включает в содержание права на защиту возможность совершения управомоченным лицом положительных действий, а также возможность требовать того или иного

поведения от обязанного лица. При этом исключается возможность обращения в суд для защиты нарушенного или оспариваемого права.

Указанный автор полагает, что в этом случае в право на собственные действия включены такие меры воздействия на нарушителя, как оперативные санкции. В то же время право требования определенного поведения от обязанного лица включает такие меры воздействия, которые применяются компетентными государственными органами к нарушителю.

Согласно статье 3 ГК РФ предмет защиты составляют наравне с субъективными правами охраняемые законом интересы. Представляется, что данные понятия достаточно близки, до такой степени, что часто совпадают, поэтому в литературе они не всегда разграничены. Это связано с тем, что определенный интерес всегда лежит в основе субъективного права. Субъективное право и предоставлено управомоченному лицу для удовлетворения определенного интереса.

В то же время в большинстве случаев охраняемые интересы опосредованы определенными субъективными правами, поэтому защита субъективного права является и защитой охраняемого законом интереса.

Ю.С. Гамбаров, например, утверждал, что предметом права являются разнообразные интересы человеческого существования. Право, лишенное предмета, в большинстве случаев не имело значения, оно не было бы правом. Предмет права образует материальный элемент права, ограничивающий сферу деятельности его субъекта. Он для права необходим также, как необходимо тело для живого существа [38, с. 381].

Вместе с тем субъекты гражданского права могут иметь и такие интересы, которые не связаны с наличием субъективных прав. Такие интересы существуют самостоятельно, называются охраняемые законом интересы, они подлежат защите в случае их нарушения. Если в результате правонарушения прекращается конкретное субъективное право, возникает право защиты охраняемого законом интереса, а не субъективного права.

Таким образом, любое субъективное гражданское право подлежит защите. Носитель же данного права наделен соответствующим правомочием на защиту при использовании тех средств, которые предусмотрены законодательством. Названное правомочие представляет собой один из элементов субъективного гражданского права, в которое включено и обязательственное право, возникающее из договора. В этом случае правомочие, связанное с защитой субъективного гражданского права проявляется тогда, когда право оспаривается или нарушается.

Таким образом, мы можем сформулировать вывод о том, что под субъективным правом нужно понимать пределы возможного поведения лица, наделенного определенными правами, которые обеспечены законодательством. Категория субъективного права состоит из совокупности следующих возможностей:

- реализация права действиями самого субъекта в собственных интересах;
- возможность требовать от обязанного лица определенного поведения;
- применение мер правоохранительного характера, которые предоставлены законом, в том числе, право на защиту.

Каждое субъективное право основано на определенном интересе правообладателя. Субъективное право данному лицу предоставляется для удовлетворения данного интереса. Защитой субъективного права следует считать существование определенного объема возможностей, которые принадлежат субъекту права для устранения его нарушений и восстановления положения, которое существовало до нарушения этого права; для компенсации потерь. При этом возможность применения тех или иных возможностей, направленных на защиту субъективного гражданского права, зависит от способа защиты нарушенного права, который выбран носителем гражданских прав. В связи с этим одной из важных задач гражданско-правовой доктрины выступает определение критериев выбора подходящего в том или ином случае способа защиты нарушенного гражданского права в типичных ситуациях.

1.2 Классификация форм и способов защиты нарушенных вещных прав

Отталкиваясь от общепризнанной цивилистами точки зрения о том, что гражданское право выполняет две функции: охранительную и регулятивную, мы можем говорить о том, что гражданско-правовыми нормами урегулированы и отношения субъектов права при отсутствии нарушений, и отношения в том случае, когда права нарушены (или существует угроза их нарушения). В этом случае мы говорим о том, что гражданско-правовые нормы выполняют функцию защиты.

Так, В.А. Рыбаков в своих трудах обращает внимание на то, что необходимо четко отграничивать охрану прав от их защиты. Осуществление охраны носит постоянный характер, в то время как защита используется только в случае нарушения права или при наличии угрозы нарушения [73]. При этом защита права рассматривается ученым в качестве одного из элементов правового регулирования отношений в обществе, который состоит в деятельности наделенных специальными полномочиями лиц, направленной на реализацию прав и интересов, обеспеченных законом в случае их нарушения или присутствия соответствующей угрозы.

Выбор той или иной формы защиты, а также способа защиты права должен соответствовать предмету защиты, а также нормативно-правовому регулированию конкретных отношений. Изложенное позволяет говорить о том, что выбор формы защиты не подчинен волеизъявлению заинтересованного лица, данный выбор устанавливается юридическими предписаниями. В пределах дозволенного правовыми нормами заинтересованные лица могут выбрать подходящую форму защиты.

В то же время способы защиты вещного права зависят от характера нарушения, а также от содержания защиты, которая предоставляется законом в определенном случае. Выбор правильного способа защиты направлен на

обеспечение интересов субъекта вещного права. Те способы, которые применяются в случае нарушения любого вещного права, называются вещно-правовыми способами, их применение допускается как для защиты права собственности, так и для восстановления и пресечения нарушения ограниченных вещных прав.

Особенности вещно-правовых способов защиты основаны на том, что защищаемые права абсолютны, то есть, защитой обеспечивается устранение нарушений, допускаемых любым третьими лицами. Поэтому осуществление рассматриваемого способа защиты возможно путем обращения в суд с исками абсолютного характера, предъявление которых допускается к любому лицу, которое предполагается нарушителем права.

В юридической литературе чаще всего выделяют юрисдикционную и неюрисдикционную формы защиты. Применительно к вещным правам можно говорить о том, что для их защиты равно актуальны обе названные формы, несмотря на то, что во многих публикациях рассматриваются только юрисдикционные формы защиты – виды исков, направленных на защиту вещного права. То есть, юрисдикционная защита состоит в обращении заинтересованного лица для защиты своих прав и интересов в определенный уполномоченный орган. Неюрисдикционная форма защиты обращения к помощи уполномоченных органов не предполагает.

Ю.В. Ячменев совершенно справедливо утверждает, что для получения желаемых результатов в деле защиты нарушенных или оспариваемых прав требуется, прежде всего, применение знаний о надлежащих форме и способе защиты [87, с. 70].

Рассматривая понятие «способ защиты» О.С. Иоффе указывал, что таковым выступает набор юридических средств, применение которых обусловлено необходимостью ликвидации совершенного правонарушения, это правовые средства, которые могут использоваться правообладателем.

Однако нельзя отождествлять понятия формы защиты и способа защиты. Отграничение одного понятия от другого состоит в том, что под формой защиты понимается установленный порядок юридической деятельности, применимый для защиты прав и законных интересов. Формы защиты - юрисдикционная и неюрисдикционная, при этом первая делится на три группы, то есть судебную защиту, административную и смешанную [47, с. 21-25].

Понятие «средство защиты» предполагает требования лица об осуществлении тех или иных мер. В частности, средством защиты выступает иск в суд. А способ защиты – это закрепленное нормативно действие, применение которого необходимо (или возможно) для восстановления права или пресечения нарушений. Соотношение названных понятий обеспечивает реализацию способов защиты.

Способы защиты права, которые носят юрисдикционный характер, зависят от наделения определенного органа кругом полномочий. Выбор формы защиты зависит от тех требований, которые заявляет заинтересованное лицо, выбор которых зависит от норм закона.

Виды способов защиты права выделяют в зависимости от той или иной правовой отрасли, к которой относят правоотношения, характера самих отношений. Виды способов защиты права в зависимости от содержания делят на возмещение убытков, вреда в натуре и компенсацию.

Отметим, что в рамках юрисдикционной формы защиты заинтересованному лицу часто предоставлена альтернатива, состоящая в возможности выбора между судебной и административной защитой. То есть, субъект права, который считает его нарушенным, может обратиться в административный орган или в суд с иском. Например, заинтересованное лицо, которое считает нарушенным свое право собственности тем, что собственник смежного земельного участка не использует его в соответствии с целевым назначением, вправе сообщить о данном факте в орган местного самоуправления, либо обратиться в суд, если его права при этом нарушены.

В зависимости от выбора юрисдикционного органа, который уполномочен рассмотреть вопрос о нарушении права и необходимости его восстановления, субъект права должен применять те или иные средства защиты, что обусловлено компетенцией органов власти, юридической силой принимаемых их должностными лицами актов, возможностью принудительного исполнения актов.

Защита неюрисдикционного характера не предполагает участие в установлении факта нарушения права и в его восстановлении государственных органов и иных организаций. При этом недопустимо отождествление понятия неюрисдикционной защиты с досудебным порядком урегулирования спора или возможностью применения внесудебных процедур урегулирования спора. Данная форма защиты права предполагает устранения нарушений путем переговоров, удержания вещи и другое, то есть, справедливо утверждение о том, что любые действия, вне юрисдикционной формы защиты можно считать неюрисдикционной формой [62, с. 78].

В правовой литературе присутствует дискуссия относительно отнесения досудебных процедур, направленных на разрешение спора, к числу форм гражданской юрисдикции. В данном споре важно понимание терминов «внесудебная форма» и «досудебная форма». Первая является обязательной стадией разрешения спора, который в дальнейшем передается в судебный орган, то есть спора, в котором защита права предполагает использование юрисдикционных способов. Например, соблюдение обязательного досудебного порядка, который установлен правовыми нормами или соглашением участников договора, опосредует обращение за защитой права в суд.

В настоящее время актуально исследование примирительных процедур, как внесудебной формы защиты права, которая используется как в рамках юрисдикционной, так и в рамках неюрисдикционной форм. К примирительным процедурам относят, соответственно и мировое соглашение, признание иска, отказ от него, и переговоры, посредничество.

Неюрисдикционными формами примирительных процедур являются претензионный порядок, переговоры, медиация, самозащита. При использовании таких способов защиты субъективное право восстанавливается быстрее, а нарушитель, добровольно удовлетворив обоснованные требования, несет меньшие расходы, чем расходы, которые на него лягут в ходе судебного разбирательства.

Стоит согласиться с мнением Н.А. Внукова о том, что в случае нарушения соглашения механизмы внесудебного урегулирования должны применяться в первую очередь. Эта система применения альтернативного подхода к решению споров, она отличается от судебного подхода, более привычного [36, с. 47-55].

Внесудебное урегулирование споров в гражданском праве доминирует во многих странах. Множество правовых актов в связи с этим издается Европейской комиссией, которая является сторонником такого решения споров. Указанные акты направлены в основном на борьбу с высокими расходами, которые лицо, чье право нарушено, вынуждено нести в связи с обращением в суд, поскольку подготовка к разбирательству и участие в нем редко обходятся без участия адвокатов и иных лиц, оказывающих юридическую помощь. Кроме того, в ходе судебного разбирательства приходится сталкиваться и с другими проблемами, возникающими в виду запутанности, а зачастую, и формализма, судебных процедур.

Так, в Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, установлено, что принятие судами дел к производству возможно только после попытки решить конфликт иным, альтернативным способом, которая не привела к успеху.

Что касается российского законодательства, то соблюдение досудебного порядка разрешения спора обязательно только в том случае, когда законом, другим нормативным актом, либо договором такой порядок прямо предусмотрен. Соблюдение досудебного порядка устанавливается как нормами

ГПК РФ (статьи 131-135) [5], так и специальными законами, регулирующими правоотношения в отдельных сферах.

Так, например, досудебный порядок урегулирования споров предусмотрен ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» [7]. Нормами этого закона предусмотрено, что претензии, связанные с оказанием услуг перевозок, с целью, не связанной с предпринимательской деятельностью, устанавливаются правилами перевозок пассажиров и багажа железнодорожным транспортом.

Данные правила, в свою очередь, утверждены Постановлением Правительства РФ от 02.03.2005 года № 111, согласно нормам которого до предъявления иска к перевозчику может быть предъявлена претензия, указаны определенные сроки ее предъявления [10].

В настоящее время в зарубежной практике существует около двадцати различных способов внесудебного решения спора. Наиболее распространенными являются такие способы, как переговоры (то есть урегулирование спора его сторонами, без привлечения посредников), посредничество (решение спора с помощью привлечения независимого посредника, способствующего достижению согласия), а также арбитраж (разрешение спора путем принятия решения, обязательного для сторон, независимым арбитром).

Переговоры в системе внесудебного урегулирования споров в основной массе опосредованы получением нарушителем претензии от уполномоченного лица. В вопросе предъявления претензий на практике хочется согласиться с мнением о необходимости введения обязательного претензионного порядка по большинству споров, защита которых осуществляется с применением юрисдикционной формы. Участники гражданского оборота имеют достаточную возможность для предъявления претензии оперативно, без несения ощутимых издержек, сообщить о наличии нарушения и необходимости его устранения тем или иным способом.

Кроме проведения переговоров во многих научных трудах предлагается распространение таких способов внесудебного урегулирования споров, как медиация и разбирательство в третейском суде. Такой способ урегулирования споров, как медиация, достаточно широко распространен в зарубежных странах. В России такой способ является достаточно новым и сложно реализуется. Регулируется такой способ разрешения споров на основании ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [8].

Некоторыми исследователями предлагается и поддерживается идея внесения в указанный закон норм, которыми бы регулировалась посредническая деятельность общественных организаций в области защиты нарушенных прав. Предлагается стимулирование общественного движения, наделение общественных организаций определенными полномочиями по урегулированию споров и оказанию воздействия.

Кроме указанных предлагаемых способов защиты законодательством предусмотрены иные способы неюрисдикционного разрешения споров. Их называют мерами оперативного воздействия, правовая природа таких мер достаточно широко исследована в научной литературе. При этом в зависимости от подхода оперативные меры либо относят к разновидности мер гражданско-правовой ответственности, либо выделяют в качестве самостоятельной категории. В данном случае мы будем исходить из того, что оперативные меры воздействия не включены в категорию мер гражданско-правовой ответственности.

Говоря о понятии мер оперативной ответственности, можно охарактеризовать их как меры юридического воздействия на должника по обязательству, предусмотренные договором или законом, которые состоят в совершении лицом односторонних действий по прекращению или изменению обязательства, связанных с нарушением другой стороной обязательств.

Например, в области защиты прав потребителей меры оперативного воздействия можно разделить на следующие: односторонний отказ от исполнения потребительского договора; приостановление исполнения одной из сторон обязательства по потребительскому договору; возможность удержания имущества одной из сторон другой стороной до фактического исполнения обязательства; право потребителя отказаться от предоставленных исполнителем услуг в случае ненадлежащего исполнения обязательства; возможность одной стороны обязательства распорядиться имуществом, находящимся у этой стороны, принадлежащим другой стороне обязательства [32, с. 564-566].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для защиты вещных прав применяются следующие формы защиты: юрисдикционная и неюрисдикционная. При этом первая связана с обязательным обращением лица, которое считает свое право нарушенным, в уполномоченный орган, который наделен правом применения мер к правонарушителю для восстановления прав другого лица. Юрисдикционная форма защиты может быть административной, судебной и смешанной.

В то же время предпочтение законодателем и правоприменителями часто отдается неюрисдикционной форме защиты, которая стимулирует граждан и организаций к решению споров, опираясь на специальные правовые нормы.

Содержание правоотношений по защите вещных прав зависит от тех оснований, которые были использованы при возникновении правоотношений. Одним из наиболее важных элементов субъективного права на защиту является право на защиту. В правовой литературе и законодательстве выделяют различные способы защиты гражданских прав, соответственно, существуют различные классификации.

Так, статья 12 ГК РФ содержит перечень способов защиты гражданских прав. Однако перечисленные в этой норме способы защиты прав являются универсальными, то есть подлежат применению как для защиты вещных, так и для защиты обязательственных прав. Рассматривая виды способов защиты

вещных прав, необходимо обратить внимание на то, что они отличаются от способов защиты прав обязательственных. Выбор способа зависит не только от характера нарушения, но и от вида права управомоченного лица, также от его статуса и статуса нарушителя. Например, возможность применения вещно-правового способа защиты может зависеть от того, является ли субъект права предпринимателем.

Важным условием выбора надлежащего способа защиты права является характеристика защищаемого права. Например, в случае уничтожения вещи право может быть прекращено или ограничено к моменту обращения за защитой.

Выбор способа защиты зависит от присутствия в определенной ситуации определенных обстоятельств. Право на выбор способа защиты является одним из наиболее существенных аспектов рассматриваемой правовой категории. Так, право на обращение за судебной защитой основано на конституционных положениях статей 43, 46 о свободе выбора любого способа защиты права, соответствующего законодательству [85, с. 74-78].

Рассматривая далее правомочия по выбору способа защиты вещного права, необходимо обратить внимание на содержания и природу субъективного права. То есть, выбирая способ защиты права, который приведет к устранению нарушения, следует определить, оспаривалось ли право, имело место его непризнание либо присутствует явно выраженная угроза его нарушения. Также одним из основных критериев определения надлежащего способа защиты выступает определение целесообразности восстановления права путем соотношения данного способа защиты с компенсацией нарушений.

Таким образом, анализ приведенных позиций и суждений, позволяет нам утверждать, что лицу, которое считает свое право нарушенным или находящимся под угрозой нарушения, законодательством предоставлен широкий круг возможностей выбора способа защиты, который, однако, в определенных случаях ограничен способами, предусмотренными законом.

Кроме того, определение надлежащего способа защиты находится в зависимости от формы защиты и характерных признаков того права, которое следует защищать. Во внимание также принимается характер допущенного нарушения и пределы осуществления права.

В установленных законом случаях нарушение вещного права предполагает использование материально-правовых способов защиты. Например, уничтожение чужого имущества в отсутствие законных оснований (например, решения суда о сносе самовольной постройки) влечет необходимость восстановления прав собственника. Однако уничтожение вещи предполагает невозможность и отсутствие целесообразности ее возврата собственнику в натуре. В таком случае наиболее целесообразным является использование именно материально-правовых способов защиты.

Среди них выделяют пресекательные, восстановительные и штрафные способы, выбор которых зависит от выполнения каждым из видов определенной функции. Так, восстановительные способы выполняют функцию восстановления права, то есть восстановления положения, которое существовало до нарушения права. К числу таких способов относят взыскание убытков. Применительно к приведенному примеру можно сказать, что возмещение убытков, причиненных уничтожением вещи, приведет к предоставлению собственнику возможности приобрести аналогичную вещь с учетом своего интереса.

Способы пресекательного характера направлены на прекращение неправомерных действий, посредством которого реализация права возобновляется. К данным способам относят самозащиту права.

Штрафные способы защиты предполагают наступление неблагоприятных последствий для нарушителя. В частности, наиболее распространенным штрафным способом является взыскание неустойки. Представляется, что в настоящее время неустойка – один из важнейших инструментов воздействия на недобросовестных участников отношений, вытекающих из договора.

Способы защиты вещных прав в рамках юрисдикционной формы защиты связаны с закрепленной в законе процедурой их применения. Возникают процессуальные правоотношения в соответствии с нормами процессуального законодательства, этим правосудие отличается от другой юрисдикционной деятельности.

Рассматривая способы защиты вещных прав, необходимо отталкиваться от того, что данная категория применима в том случае, когда право нарушено. В статье 12 ГК РФ указано на способы защиты нарушенных прав. Однако не все указанные способы применимы в случае нарушения вещного права. В Главе 20 ГК РФ также отсутствует исчерпывающий перечень способов защиты вещного права. Представляется, что для определения перечня способов защиты необходимо четко понимать, что представляет собой нарушение вещного права, как частный случай нарушение права.

В юридической литературе общепризнанным является положение о том, что правонарушение является антиподом правомерного поведения. Данное понятие строится не только на соответствии или несоответствии поведения нормам закона, закрепленным в нем предписаниям и запретам, но и на понятиях о справедливости. То есть, понятие «нарушение права» предполагает содержание в нем как юридических, так и социальных черт. Поэтому общее понятие «нарушение права» можно рассматривать как негативное социальное явление, которое связано с причинением вреда общественным отношениям и нарушением норм права, которое требует вмешательства государства для его устранения.

Сугубо с точки зрения юридической науки нарушение права можно рассматривать как деяние, которое влечет наступление определенных юридических последствий [37, с. 6-17]. Это общее определение, которое применительно к гражданским правоотношениям носит диспозитивный характер, то есть наступление юридических последствий зависит от воли лица. Право которого нарушено. Например, собственник вещи наделен правом

истребования ее из чужого незаконного владения, однако данное действие не является его обязанностью, в отличие от административного и уголовного права, где ответственность за большую часть нарушений наступает в связи с прямым указанием законом, субъектами привлечения к ответственности выступают лица, наделенные публичными полномочиями. Представляется, что данное отличие лежит в основе применения в гражданском праве термина «нарушение права», в отличие от публичного права, для которого характерен термин «правонарушение», содержание которого образуется из общественной опасности деяния и вины совершившего его лица.

Однако социальная составляющая нарушения прав также состоит в том, что в результате совершения деяния (действия или бездействия) причиняется вред интересам общества или конкретного лица. В гражданском праве понятие «нарушение права» рассматривается только в правовой литературе и достаточно редко. Отсутствие в гражданском законодательстве закрепления понятия данного термина является одним из существенных недостатков отрасли.

В гражданском праве нарушения права нельзя ограничить перечнем, включенным в законодательстве, как, например, в административном праве, где нарушением является любое поведение, которое соответствует диспозиции одной из норм, включенных в административное законодательство. Применительно к гражданским правоотношениям, в том числе, вещно-правовым, нарушение права связано с такой категорией, как пределы осуществления прав.

Так, в гражданских правоотношениях субъектам предоставлена свобода осуществления прав с одновременным закреплением в законодательстве ограничений, состоящих в недопустимости при осуществлении субъектом прав нарушений прав других лиц. В качестве примера обратимся к нарушениям права собственности. Собственник наделен правом реализации прав владения, пользования и распоряжения свободно по собственному усмотрению до тех

пор, пока реализация указанных правомочий не нарушает прав других лиц. Например, собственник земельного участка вправе построить на нем дом, однако строение не должно находиться слишком близко к строениям, расположенным на смежном земельном участке, чтобы строительством не нарушались права соседей. То есть, субъективное право выступает мерой допустимого поведения, которое ограничено с целью не допустить превращения права в произвол [68, с. 2-3].

Таким образом, осуществление права, в том числе вещного, должно соответствовать нормативным предписаниям о границах дозволенного поведения. Эта особенность гражданского права связана с диспозитивным методом регулирования отрасли. Названные границы правомерности при этом достаточно неочевидны, поскольку единственным мерилom правомерности в гражданском праве выступает отсутствие притязаний со стороны других лиц, связанных с нарушением их прав.

В связи с изложенным считаем, что нарушением права является деяние (действие или бездействие), совершенное физическим или юридическим лицом, которое препятствует реализации субъективного гражданского права другим лицом. Закрепление данного положения в гражданском законодательстве позволило бы четко понимать сущность нарушения права, а также выделить виды нарушений, установив для каждого определенные способы защиты. Тем самым в ГК РФ можно было бы закрепить не только общие способы защиты, но и способы защиты, использование которых допустимо исключительно для защиты вещных прав. Результатом такого закрепления станет большая очевидность выбора способа защиты вещного права лицами, обращающимися в суд.

Вопрос о выборе способа защиты вещного права неотделим от способов защиты, перечисленных в статье 12 ГК РФ, так как данный перечень, как было отмечено ранее, является универсальным. На сегодняшний день вопрос о целесообразности исчерпывающего характера способа защиты прав является

одним из наиболее актуальным в доктрине гражданского права. Существует мнение о том, что перечень, приведенный в ГК РФ не обоснован с точки зрения научного подхода, в связи с чем допускается пересечение одних способов защиты с другими [48, с. 324]. То есть, отсутствует система, которая бы позволяла отграничить один способ от другого определенными критериями (сферой и субъектами применения, характером правоотношений, содержанием права и другое). Однако в рамках отстаивания той же позиции признается, что в статье 12 ГК РФ закреплены способы защиты права, применяемые наиболее часто, но список не является исчерпывающим.

Признание данного обстоятельства, а также указание на то, что допускается защита права и другими способами, предусмотренными законом, влечет необходимость решения вопроса о том, обязательно ли применять исключительно способы, закрепленные в гражданском законодательстве [34, с. 14-17]. Анализ судебной практики однозначно позволяет ответить на это вопрос отрицательно. Высшими судами бесспорно признается возможность применения способов защиты прав, не названных в законе. Вслед за выражением позиции высшими судами суды активно применяют данную позицию на практике. Так, в качестве способа защиты активно применяется исключение имущества из описи.

Дискуссия же в данном вопросе основана на содержании конституционных норм, в соответствии со статьей 46 Конституции РФ не допускается применение способов защиты, не указанных в законе. В то же время в Конституции РФ отсутствует и прямой запрет на применение способов защиты, прямо не названных в законе.

Таким образом, отсутствие в законодательстве норм, которые бы содержали четкие и однозначные предписания и сформулированные понятия, вызывает дискуссии в науке, связанные с применением различных критериев в классификации способов защиты вещного права. Так, для введения в законодательство перечня способов защиты вещного права необходимо

однозначно понимать, что собой представляет это право. Однако и это понятие, и понятие «способы защиты вещного права», наряду с отсутствием понятия «нарушение права» отсутствуют в гражданском законодательстве. Законодатель не видит необходимости их нормативного закрепления, несмотря на то, что именно эти категории лежат в основе защиты вещных прав. При этом правоприменительные органы часто отталкиваются от неверного понимания терминов, то присуще и научным исследованиям.

Так, в юридической литературе выводится множество определений «способов защиты прав». Например, часто способами защиты прав называют материально-правовые меры принудительного характера, названные в правовых актах, применение которых направлено на восстановление нарушенных прав и на оказание воздействия на нарушителя. Аналогичный подход часто применяется и в судебной практике [24].

В таком определении способ защиты и мера понимаются как синонимы, а защиты права рассматривается, по сути, как гражданско-правовая санкция. Между тем, полагаем, что такой подход рассматриваемую категорию не раскрывает. Защита гражданских, в том числе, вещных прав, далеко не всегда носит принудительный характер. В рамках такого подхода невозможно рассматривать, например, признание права, как способ защиты.

В связи с изложенным считаем, что нарушением права является деяние (действие или бездействие), совершенное физическим или юридическим лицом, которое препятствует реализации субъективного гражданского права другим лицом. Закрепление данного положения в гражданском законодательстве позволило бы четко понимать сущность нарушения права, а также выделить виды нарушений, установив для каждого определенные способы защиты. Тем самым в ГК РФ можно было бы закрепить не только общие способы защиты, но и способы защиты, использование которых допустимо исключительно для защиты вещных прав. Результатом такого закрепления станет большая очевидность выбора способа защиты вещного права лицами, обращающимися в

суд.

В связи с изложенным считаем, что нарушением права является деяние (действие или бездействие), совершенное физическим или юридическим лицом, которое препятствует реализации субъективного гражданского права другим лицом. Закрепление данного положения в гражданском законодательстве позволило бы четко понимать сущность нарушения права, а также выделить виды нарушений, установив для каждого определенные способы защиты. Тем самым в ГК РФ можно было бы закрепить не только общие способы защиты, но и способы защиты, использование которых допустимо исключительно для защиты вещных прав. Результатом такого закрепления станет большая очевидность выбора способа защиты вещного права лицами, обращающимися в суд.

На сегодняшний день выбор способа защиты вещного права зависит не столько от предписаний главы 20 и статьи 12 ГК РФ, сколько от разъяснений высших судов, которые обязательны для нижестоящих судов. При этом в постановлениях Пленума ВС РФ определяются как условия применения материально-правовой составляющей способа защиты (условия предъявления иска), так и процессуально-правовая составляющая, которая заключается в определении обстоятельств, подлежащих доказыванию, правилах оценки доказательств, принципов доказывания, способах установления юридически значимых фактов и другое. Положительным моментом в обязательности для нижестоящих судов предписаний ВС РФ является устранение того разрыва, который на сегодняшний день существует между названными элементами защиты вещного права.

В то же время рассмотрение вопроса о соотношении закона и судебной практики с учетом ведущихся в науке споров неразрывно связано с выяснением юридической природы тех предписаний, которые содержатся в актах судебной практики, в частности, в постановлениях пленума ВС РФ, поскольку юридическая природа норм закона достаточно понятна в части всеобщей

обязательности и юридической силы. Несмотря на разброс мнений, исследователи вопроса сходятся в том, что акты высших судов в правотворчестве играют существенную роль. Те положения, которые в них содержатся, всегда выступают основой для судебных решений, независимо от наличия или отсутствия соответствующей нормы права.

Однако более правильным представляется подход при котором модели будущих норм, сформулированные судебными органами, выступают промежуточным звеном в формировании нормы права. Формирование положений, разъясняющих и толкующих правовые нормы, свидетельствуют о необходимости внесения в законодательство изменений, основой которых могут стать положения актов высших судов. Совершенно справедливо утверждение, согласно которому суды выявляют проблемы и недостатки в законодательстве, что должно быть толчком и базой для применения права официальной законодательной инициативы высшими судами [41, с. 10-22].

В литературе допускается существование положений, которые сформулированы высшими судами, самостоятельно. Необходимо сказать, что во многих случаях в действительности так и происходит, суды в правоприменительной деятельности многие годы руководствуются положениями, закрепленными в постановлениях Пленума ВС РФ или постановлениях и определениях КС РФ.

Например, в 2004 году вынесено Постановление Пленума ВС РФ и ВАС РФ № 10/22. В пункте 2 постановления в его первоначальной редакции указано, что к числу исков о правах на недвижимость относятся иски об истребовании имущества из чужого незаконного владения, об устранении нарушений права, не связанных с лишением владения, о признании права, об установлении сервитута, об установлении границ земельного участка, об освобождении имущества от ареста.

В данный перечень, по сути, включены вещно-правовые способы защиты, которые отсутствуют в гражданском законодательстве. Между тем с 2004 года

до настоящего времени в часть 1 ГК РФ неоднократно вносились изменения. При этом приведенные положения применяются, но систематически игнорируются законодателем. Такое положение считаем недопустимым.

Согласимся с И.В. Колесником, который совершенно справедливо отмечает, что развитие связи правотворчества и правоприменения было бы более оптимальным без совмещения названных функций одним лицом. В настоящее время возможна оперативная реакция законодателя на правоприменительную практику в правотворческом процессе [54, с. 22-29].

Таким образом, Верховный Суд РФ в постановлениях Пленума выходит за пределы содержания норм права, тем самым фактически закрепляя новые нормы, которыми должны руководствоваться суды при рассмотрении конкретных гражданско-правовых споров. Это влечет применение таких норм не только судами, но и участниками гражданско-правовых отношений в связи с тем, что они ориентируются на судебную практику как на перспективу разрешения спора, который может возникнуть в конкретных отношениях.

Представляется, что описанная ситуация связана с тем, что законодателем допускаются упущения в сфере восприятия судебной практики в законодательстве. Высшие суды должны не дополнять закон, а инициировать устранение пробелов, выявленных в процессе применения правовых норм при рассмотрении гражданских дел, в законодательстве. Официальные же толкования, которые необходимы для формирования единообразной судебной практики, могут являться только временной мерой, до внесения соответствующих изменений в нормативные акты. В противном случае не реализуется принцип разделения властей, который является одним из основополагающих в правовом государстве.

ГЛАВА 2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛОЖЕНИЙ ЗАКОНОПРОЕКТА, КАСАЮЩЕГОСЯ ИЗМЕНЕНИЙ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ВЕЩНЫХ ПРАВ

2.1 Виндикационный иск

Предъявление виндикационного иска является традиционным, одним из вещно-правовых способов защиты, предусмотренным нормами ГК РФ. Данный способ защиты, наравне с негаторным иском, включен в содержание главы 20 ГК РФ (статья 302). Виндикация предполагает истребование имущества из чужого незаконного владения. В то же время субъект, который считает свое вещное право нарушенным, вправе самостоятельно определить, прибегать ли ему к обращению в суд с виндикационным иском. Обращает на себя внимание тот факт, что ГК РФ не содержит нормы, которая бы ставила выбор субъекта в зависимость от наличия или отсутствия в законе специальных вещно-правовых способов защиты. Изложенная позиция отражена в постановлении Конституционного Суда РФ № 6-П от 21.04.2003 года [13].

Толкование позиции КС РФ иногда сводится к тому, что при наличии сделки, лицо, которое считает свое право нарушенным, вправе выбирать механизм защиты по своему усмотрению. Виндикационный иск является одним из таких механизмов.

Проблема обусловлена необходимостью определения при подаче иска такого обстоятельства, как наличие или отсутствия сделки. Данное условие является обязательным для определения характера правоотношений – являются ли они вещно-правовыми или обязательственными. На сегодняшний день практика применения ГК РФ и теоретические разработки позволяют прийти к выводу о том, что применение виндикации недопустимо в том случае, если требования истца вытекают из совершенной ранее сделки с истребуемым у ответчика имуществом. Наличие сделки свидетельствует о сложившихся между

сторонами обязательственными правоотношениями, а восстановление права возможно путем признания сделки недействительной и двусторонней реституцией в качестве последствия.

Одновременно применения статьи 302 ГК РФ допустимо только в том случае, если присутствуют два условия: между сторонами отсутствуют обязательственные правоотношения (сделка не заключалась), а лицо, которое препятствует владению имуществом собственнику, действовало добросовестно, приобретая данное имущество.

Первое из названных условий реализуется на практике посредством установления судом в каждом конкретном случае факта наличия или отсутствия у истца вещного права на спорное имущество. Так, в суд обратился арбитражный управляющий, просил истребовать из незаконного владения ответчика имущество, которое ранее должником было передано по договору. Иск обоснован тем, что в соответствии с требованиями статьи 102 ГК РФ арбитражный управляющий отказался от исполнения договора.

Однако суд дал иную оценку изложенным обстоятельствам, указав, что соглашение сторонами исполнено, что препятствовало возвращению сторон в первоначальное положение. Тем самым суд установил отсутствие у истца права на имущество, которое является обязательным условием правомерности виндикационного способа защиты. Кроме того, суд указал на избрание истцом неверного способа защиты в связи с наличием обязательственных отношений между сторонами [25].

Данный пример судебной практики отражает верный по нашему мнению подход о недопустимости смешения вещно-правовых и обязательственных способов защиты права.

Другим обязательным условием виндикации является добросовестность приобретателя имущества, что соответствует положениям статьи 302 ГК РФ. Например, указанное выше постановление КС РФ содержит разъяснение о понятии добросовестности применительно к статье 302 ГК РФ. Согласно

позиции КС РФ добросовестное поведение присутствует лишь в том случае, когда имущество приобретается у лица, которое не является собственником и не было наделено правом на отчуждение имущества. Способом защиты в таком случае является виндикация, а не оспаривание сделки и двусторонняя реституция.

То есть, в качестве субъекта «активной легитимации, или управомоченным на истребование вещи из незаконного владения лицом, является собственник, утративший владение вещью (статья 301 ГК РФ)» [60, с. 72-80]. Однако гражданским законодательством возможность применения вещно-правовых способов защиты закрепляется в соответствии со статьей 216 ГК РФ не только за собственниками, но и за лицами, наделенными иными вещными правами – ограниченными.

Исходя из положений статьи 305 ГК субъектом, на защиту права которого направлен виндикационный иск, вправе выступать не только собственник имущества, но и другое лицо, у которого есть право владения имуществом, как одно из правомочий предоставленного ему ограниченного вещного права. По своей правовой природе ограниченные права аналогичны праву собственности. Необходимо отметить, что в случае нарушения права владения обращение в суд с виндикационным иском направлено на восстановление прав не только владельца имущества, но и его собственника.

Не случайно в Постановлении Пленума ВС РФ и Вас РФ № 10/22 разъяснено, что правом на обращение с виндикационным иском в суд наделено не только лицо, которому имущество передано на праве оперативного управления, но и собственник. Однако присуждение имущества судом осуществляется в пользу первого.

Одной из актуальных проблем применения виндикационного способа защиты вещного права на недвижимое имущество является государственная регистрация права, как обязательное условие подтверждения права. Вопросы относительно правильности выбора способа защиты возникают в случае, когда

право не зарегистрировано в установленном законом порядке. Например, при обращении в суд наследника имущества, право собственности которого не было зарегистрировано в установленном законом порядке [28].

Что касается нахождения имущества во владении другого лица, то предметом иска может выступать как вещь, которая определена родовыми признаками, так и вещь, которая имеет признаки индивидуализации. С.А. Краснова в качестве примера приводит зерно, которое помещено в мешки с определенными пометками [60, с. 76].

При этом, например, Е.А. Суханов, классифицируя вещи, указывает, что именно наличие такого признака, как индивидуальная определенность вещи, допускает возможность обращения с виндикационным иском [42]. Вместе с тем, правильное определение рассматриваемого признака, как обязательного для предъявления виндикационного иска, позволяет выбрать верный способ защиты права. Так, следует ограничивать при помощи данного признака виндикационный иск от иска о неосновательном обогащении. В первом случае предметом иска является индивидуально определенная вещь, во втором – эквивалент ее стоимости, вещь, которая определяется родовыми признаками, как правило, деньги.

Другой проблемой применения виндикационного способа защиты вещного права является ситуация, в которой вещь выбыла из владения собственника путем хищения посредством совершения сделки гражданско-правового характера. Рассматривая данный вопрос В.Н. Уруков высказывает мнение о том, что положения части 1 статьи 302 ГК РФ не позволяют утверждать категорически, что виндикация представляет собой внедоговорное требование. Автор обосновывает позицию тем, что из содержания указанной нормы следует, что основным условием обращения с виндикационным иском является выбытие имущества из владения собственника или иного титульного владельца помимо его воли. Поэтому допустимо применение виндикации к тем случаям, когда вещь выбывает из владения и в результате совершения

ничтожных сделок, поскольку такая сделка не влечет правовых последствий и является ничтожной с момента ее совершения. Законодательство не требует признания ничтожной сделки таковой в судебном порядке.

В том случае, когда вещь помимо воли собственника выбывает из владения в результате совершения оспоримой сделки, виндикация недопустима, вещь может быть возвращена в результате применения последствий недействительности сделки [84, с. 5-12].

В то же время хочется отметить, что в пункте 34 совместного постановления Пленума ВС РФ и ВАС РФ от 29.04.2010 года № 10/22 указывается на то, что спор о возврате имущества, который основан на договорных отношениях, должен разрешаться в соответствии с требованиями законодательства, которым урегулированы соответствующие отношения [14].

Данный вывод правоприменительного органа соответствует и теоретическим разработкам относительно случаев применения виндикационного иска. Для исключения вопроса о соотношении и конкуренции виндикационного иска с другими исками, направленными на защиту права, необходимо отталкиваться от того, что для договорных отношений, которые имеются между сторонами, достаточно применение правовых норм, направленных на регулирование соответствующего договора. Кроме того, здесь применяются общие положения о сделках, которыми предусмотрены основания для признания сделки ничтожной, то есть не порождающей при ее совершении каких-либо правовых последствий.

Такие нормы достаточны для приведения сторон в положение, исключающее нарушение права, в то время как предъявление виндикационного иска допустимо в случаях, когда вещь выбывает из владения собственника по иным основаниям, не связанным с заключением гражданско-правовой сделки собственником.

Однако такой вывод не всегда поддерживается высшими судебными инстанциями. Например, в постановлении Президиума Высшего Арбитражного

Суда РФ от 24.05.2012 года № 17802/11 [18] содержатся выводы, которые свидетельствуют о возможности применения норм о виндикации в тех случаях, когда установлен факт хищения при совершении сделки, в частности, хищение имущества одним из акционеров юридического лица, совершившим сделку по отчуждению данного имущества.

С такой позицией не соглашается Е.В. Косенко, ссылаясь на то, что в таких спорах необходимость применения норм о виндикации отсутствует, здесь договорные отношения в последующей сделке имеют порочный характер, при этом законодательство содержит достаточное количество охранительных норм, направленных на регулирование договора, и этих норм достаточно для восстановления прав собственника [57, с. 46-51].

С такой позицией следует согласиться, поскольку необходимо разграничивать соответствующие иски согласно тем признакам, которые присущи определенным правоотношениям. Такой подход приведет к исключению конкуренции исков, а также приведет к единообразному пониманию и применению правовых норм, закрепленных для регулирования определенных отношений.

Также правильным считаем позицию Ю.К. Толстого, указывающего, что судебная практика часто допускает смешение элементарных понятий, подмену договорного требования виндикационным иском, а также переход от виндикационного требования к требованию о признании сделки недействительной. Данный подход судебной практики носит характер, не соответствующий научным наработкам, поэтому способен повлечь только негативные последствия [43, с. 445].

Одной из актуальных проблем применения виндикационного иска как способа защиты вещного права, является определение добросовестности приобретателя имущества. Представляется, что в этом вопросе проблематика связана с отсутствием закрепленных в законодательстве четких и не

допускающих неоднозначного толкования формулировок, как и в других вопросах правового регулирования при наличии в законе оценочных понятий.

Например, Е.А. Суханов полагает, что добросовестность приобретателя закон связывает с неизвестностью для него факта, имеющего юридическое значение, знание которого сделало бы приобретение неправомерным. Заблуждение приобретателя в этом случае с точки зрения закона выступает извинительным моментом, поскольку приобретатель не мог избежать его, при этом поведение приобретателя остается добросовестным и правомерным. В том случае, если приобретатель не заблуждался относительно законности приобретения вещи, в частности об отсутствии у продавца правомочий на ее отчуждение, его поведение должно быть признано недобросовестным, поскольку действия приобретателя в таком случае неправомерны [42].

Однако право определения добросовестности приобретателя вещи принадлежит правоприменительному органу – суду, в соответствии с его усмотрением и убеждением. Так, в одном из случаев в судебной практике судом поведение приобретателя было признано недобросовестным в связи с тем, что при приобретении автомобиля гражданин не усомнился в законности приобретения автомобиля продавцом на том основании, что автомобиль находился в собственности продавца короткое время и цена автомобиля установлена продавцом ниже рыночной. Кроме того, судебное решение об истребовании автомобиля из чужого незаконного владения основано на том, что приобретатель не убедился в соблюдении установленного порядка приобретения автомобиля продавцом.

Однако с правильностью такого подхода нельзя согласиться, поскольку у гражданина, как правило, отсутствует объективная возможность выяснить обстоятельства приобретения имущества продавцом, законность совершения им сделки, связанной с приобретением имущества. При этом сам по себе факт не длительного владения имуществом продавцом не может являться основанием, считать отчуждение данного имущества подозрительным.

Если говорить о стоимости вещи, то собственник наделен правом самостоятельного определения цены, при этом часто продавец ссылается на необходимость срочного совершения сделки, как на основание заниженной цены по сравнению с рыночной.

2.2 Негаторный иск

Кроме истребования имущества из чужого незаконного владения собственник вещи или иной титульный владделец вещи наделен правом предъявления негаторного иска, который предполагает требование на основании статьи 304 ГК РФ устранения всяких нарушений права, в том числе, нарушений, не связанных с лишением владения. Именно негаторным иском обеспечивается реализация данного права.

Негаторный иск представляет собой требование собственника, владеющего вещью, к третьему лицу, не основанное на договорном регулировании. Данное требование заключается в устранении препятствий при осуществлении правомочий собственника (владение, пользование и распоряжение).

Негаторный иск является вещно-правовым средством защиты права собственности. При этом важным условием предъявления негаторного иска является отсутствие договорных, обязательственных отношений между собственником и третьим лицом относительно предмета спора. Кроме того, обязательным условием предъявления негаторного иска является наличие нарушения права; отсутствие прекращения субъективного права собственности.

Правом обращения в суд с негаторным иском в соответствии с положениями статьи 305 ГК РФ наделен как собственник вещи, так и другой титульный владделец, если они хотя и владеют вещью, однако не имеют возможности пользоваться или распоряжаться ею. Негаторный иск

предъявляется к лицу, которое создает препятствия осуществлению права титульного владения своими действиями.

В качестве предмета негаторного иска выступают требования об устранении препятствий в пользовании или распоряжении вещью, то есть в реализации правомочий собственника, однако данные требования не могут соединяться с лишением владения.

В качестве примера из судебной практики можно привести ситуацию, в которой осуществляется самовольное переустройство жилого помещения. Статья 29 ЖК РФ не запрещает собственникам помещений в многоквартирном доме, а также объединениям собственников, владельцам помещений, которые собственниками не являются (например, арендаторам), обратиться в суд для защиты их прав в соответствии с требованиями статьи 305 ГК РФ.

В соответствии с нормами этих статей собственник и лицо, которое не является собственником, однако имеет предусмотренные законом основания владения помещением, вправе потребовать устранения любого нарушения его прав [16].

Таким образом, при помощи негаторного иска собственник добивается прекращения действий нарушителя (или предполагаемого нарушителя), связанных с нарушением права на пользование и распоряжение имуществом.

Основанием негаторного иска выступают те обстоятельства, которыми обосновано право истца на распоряжение и пользование вещью. Также к основаниям негаторного иска относятся обстоятельства, которыми подтверждается поведение третьего лица, то есть создание им препятствий в осуществлении истцом названных правомочий. Однако законодательством не предусмотрена обязанность истца доказать неправомерность поведения ответчика, оно предполагается таковым, при этом ответчик в случае несогласия с иском должен доказать обратное.

Важно отметить, что негаторный иск может быть заявлен только во время длящегося нарушения прав истца третьим лицом, либо пока существуют

последствия совершенного им нарушения. Это значит, что с устранением препятствий в осуществлении права пользования и распоряжения отпадают основания для получения истцом негаторной защиты. С этим связано не применение к негаторным искам исковой давности, поскольку иск может быть предъявлен на протяжении всего времени совершения правонарушения.

Удовлетворение требований истца, обратившегося с негаторным иском, не зависит от виновности или невиновности лица, которым созданы препятствия в осуществлении истцом вещного права.

Однако практика применения статей 304, 305 ГК РФ показывает, что иск, который основан на нарушениях прав, не связанных с лишением владения, может быть удовлетворен при соблюдении двух условий: истец является либо собственником, либо лицом, которое владеет вещью на другом законном основании (чаще всего опосредованном договором), а также со стороны ответчика совершаются действия, которые нарушают право истца, даже если эти действия не направлены на лишение истца владения вещью. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума ВС РФ и ВАС РФ № 10/22, кроме того, основанием к удовлетворению иска называет и существование реальной угрозы нарушения прав законного владельца вещи ответчиком.

Например, собственник земельного участка (истец) обратился в суд к ответчику с требованием об устранении препятствий в пользовании данным участком, ссылаясь на то, что ответчик без согласия истца проложил на участке инженерные коммуникации.

Ответчиком были представлены возражения, в которых ответчик ссылался на получение согласия от предыдущего собственника земельного участка на прокладку коммуникаций. Судами первой и апелляционной инстанций в удовлетворении требований было отказано в связи с тем, что истец не доказал факт нарушения его прав ответчиком совершением ответчиком предполагаемых действий – прокладкой подземных коммуникаций в пределах участка. Суды указали, что участок истцом был приобретен уже после

осуществления прокладки водопровода. Истцом также не представлены доказательства того, что коммуникации проложены с нарушением нормативных требований.

Вместе с тем Верховный Суд РФ, рассматривая кассационную жалобу на указанные судебные акты, указал на допущенные в них ошибки. Так, суд ссылается на приведенные выше положения постановления Пленумов ВС РФ и ВАС РФ № 10/22 о том, что истцом для удовлетворения требований должны быть доказаны следующие обстоятельства: он является законным владельцем имущества, а ответчик своими действиями нарушает права истца.

К числу препятствий осуществления истцом его прав суд относит и возведение на земельном участке каких-либо сооружений без согласия правообладателя. Факт прохождения коммуникаций через участок истца не оспаривался и является доказанным в судебном разбирательстве.

Судом обращено внимание на то, что истцом не давалось согласие на прокладку коммуникаций. Поэтому ВС РФ счел необоснованным отказ в удовлетворении исковых требований с обоснованием отказа тем, что предыдущему собственнику было известно о прокладке по участку коммуникаций и тем, что предыдущим собственником было дано соответствующее согласие.

ВС РФ также указал, что отсутствие возражений прежнего собственника не свидетельствует об отсутствии нарушений действия ответчика прав настоящего собственника участка. Также кассационное определение основано на том, что в разрешении такого спора суд не вправе ограничиваться формальным указанием на наличие согласия предыдущего собственника, необходимо выяснить наличие его прямого согласия на размещение коммуникаций.

Как указано выше, что негативным иском защищается не только право пользования, но и право распоряжения. Такого мнения придерживается большинство исследователей [53, с. 75-77]. В то же время не все авторы

соглашаются с данным подходом. Например, Т.П. Подшивалов полагает, что указанное определение иска не вполне соответствует системе способов защиты вещных прав. Автор указывает на то, что оспаривание или нарушение вещного права всегда связано с одним из существующих правомочий титульного собственника. На этом делении основано три способа защиты вещных прав, которые реализуются в зависимости от нарушенного правомочия. Владение защищается путем предъявления виндикационного иска, негаторный иск предъявляется в случае создания препятствий в пользовании вещью, а оспаривание правомочия распоряжения порождает право на предъявление иска о признании права собственности [69, с. 87-91].

Следует отметить, что приведенная позиция находит поддержку среди исследователей вопросов применения негаторной защиты. Например, К.И. Скловский полагает, что путем предъявления негаторного иска устраняются препятствия в пользовании имуществом [78].

Таким образом, на сегодняшний день виды требований, которые охватывает категория негаторной защиты, однозначно не определены. В то же время практика применения соответствующего законодательства позволяет назвать несколько групп требований, которые, как правило, включаются в понятие негаторного иска.

Одну из этих групп образуют требования, которые связаны с понуждением к совершению действий, устраняющих нарушение права собственности. К числу таких требований можно отнести требования о демонтаже незаконно возведенных на земельном участке истца строений, о сносе самовольного строения и другие.

Во вторую группу можно включить негаторные иски о понуждении к прекращению определенных действий, которыми нарушаются права собственника, например, требование одного из собственников в многоквартирном доме об устранении препятствий в пользовании общим имуществом к другому собственнику.

То есть, составить ограниченный перечень требований, которые могут быть включены в негаторный иск, не представляется возможным, с чем и связаны проблемы, возникающие в практике применения законодательства.

Негаторный иск, в отличие от иска виндикационного, направлен на защиту прав собственника от таких действий, которые не связаны с лишением его владения. В то же время виндикация обеспечивает возможность установления наличия или отсутствия добросовестности в действиях приобретателя при приобретении им вещи [75].

Практика показывает, что часто истцами неправильно выбирается способ защиты нарушенного права. Однако при выборе между предъявлением виндикационным и негаторным иском следует отталкиваться от того, находится ли имущество в чужом незаконном владении.

В частности, негаторный иск согласно позиции ВАС РФ применяется в том случае, когда спорное имущество остается во владении собственника [19]. Право на предъявление негаторного иска предоставлено не владеющему собственнику в том случае, если нарушение права не вызвало прекращения владения вещью.

Таким образом, требование о признании права собственности нельзя отнести к числу требований собственника или другого владельца вещи об устранении нарушений, не связанных с лишением владения. В то же время сегодня наиболее часто поддерживается позиция о том, что признание права собственности представляет собой самостоятельный способ защиты прав.

Следует согласиться с тем, что при фактическом невыбытии вещи из владения собственника он является законным владельцем, тем самым реализуются правомочия собственника по владению вещью. В случае создания третьим лицом препятствий в пользовании вещью, собственник вправе предъявить негаторный иск, направленный на устранение препятствий.

Кроме того, на практике встречаются ситуации, в которых право титульного владельца еще не нарушено, однако существует вероятность его

нарушения в будущем. Например, возведение строения на участке собственника может создать угрозу, которая будет заключаться в невозможности распоряжения земельным участком.

При этом в законодательстве отсутствует однозначно решение вопроса о возможности удовлетворения такого иска. То есть, правовая основа удовлетворения негаторного иска, основой которого является угроза нарушения права, отсутствует. Одним из условий предъявления и удовлетворения негаторного иска является нарушение права титульного собственника, заключающееся в невозможности реализации им правомочия по владению вещью.

В то же время пункт 45 Постановления Пленума ВС РФ и ВАС РФ № 10/22 решает вопрос о возможности удовлетворения данного иска положительно. На основании данного постановления сформирована достаточно обширная судебная практика. В литературе, однако, отмечается, что проект постановления включал положение, в соответствии с которым негаторный иск должен быть удовлетворен в случае, если истцом доказано, что имеется угроза нарушения его титульного права ответчиком. Также разрабатывался вариант, в соответствии с которым угроза нарушения права собственности или законного владения не может выступать в качестве основания удовлетворения негаторного иска в связи с отсутствием нарушения названных прав [71].

Представляется, что правильным является мнение, в соответствии с которым негаторный иск может быть предъявлен не только при наличии уже существующих препятствий в реализации права пользования, но и при наличии угрозы таких препятствий со стороны ответчика в будущем, если он не воздержится от определенных действий. В правовой литературе также отмечается, что в зарубежном праве существуют нормы, на основании которых угроза нарушения права пользования является основанием для удовлетворения негаторного иска, такой подход применяется, например, в Германии [77, с. 84-101].

К примеру, с помощью негаторного иска возможно достичь отмены строительства здания либо сооружения еще в периода проектирования.

Субъектом права в таком иске считается владелец, чьи права нарушаются; субъектом обязанности становится лицо, противозаконные действия которого ограничивают права истца. Важный момент: действия ответчика обязаны быть именно противозаконными; осуществление строительных работ на основании разрешения и государственного нормативного акта не считаются причиной подавать в суд негаторный иск. Объектом требования по иску считается устранение имеющихся нарушений прав в отношении имущества истца, которые существуют в период предъявления искового заявления. В отношении негаторного иска не применяется понятие исковой давности, так как действует правило: имеется нарушения - имеется основания для требования; нет нарушений на этот период - нет оснований для подачи иска [74, с.127].

Таким образом, негаторный иск представляет собой вещно-правовое требование, которое связано с понуждением к совершению действий, устраняющих нарушение права собственности, или с понуждением к прекращению определенных действий, которыми нарушаются права собственника. Данный иск реализуется в пределах самостоятельного охранительного правоотношений. Негаторной защитой при этом следует считать материально-правовое требование восстановительного характера, не основанное на договоре, предъявляемое в отношении индивидуализированной вещи, имеющейся в натуре. Такой иск можно считать иском о пресечении действий, его удовлетворение является основанием для пресечения в будущем действий, которые могут создать собственнику или другом титульному владельцу препятствия в пользовании вещью. Представляется, что для российского гражданского права актуальным является закрепление в законодательстве как одного из оснований предъявления негаторного иска угрозы нарушения права титульного владельца.

2.3 Признание вещного права

Глава 20 ГК РФ, которая посвящена способам защиты вещных прав, не содержит норм, которые бы регламентировали защиту данных прав посредством их признания. В литературе отсутствие такой нормы позволяет исследователям формулировать мнения о допустимости применения рассматриваемого способа защиты вещных прав.

Дискуссия связана с тем, что сущность признания вещных прав в литературе имеет разную оценку. Мнение ряда исследователей вопроса позволяет говорить о том, что в качестве самостоятельного способа защиты вещного права признание вещных прав не предусмотрено. В то же время, если отталкиваться от данной позиции, требование о признании вещного права в качестве одного из требований должно включаться в состав негативного или виндикационного средств защиты.

Другими же авторами признание вещных прав считается самостоятельным способом защиты права. Представляется, что такое мнение, достаточно обосновано. Так, позиция В.А. Тархова и В.А. Рыбакова в отношении рассматриваемого вопроса показывает, что защита вещного права допустима только способами, закрепленными в главе 20 ГК РФ. В то же время названные исследователи в качестве вещно-правовых способов защиты называют лишь негативные и виндикационные.

Приведенная позиция мотивирована тем, что глава 20 ГК РФ относится не ко всем способам защиты, а только к способам, применимым в пределах отношений, складывающихся по поводу установление и реализации вещного права, а только к тем, которые выполняют компенсаторную функцию права в сфере вещных правоотношений [56, с. 48]. Названные исследователи не единственные в российской юридической литературе, которые поддерживают такую точку зрения [52, с. 314-315].

Однако, например, А. Зевайкина обосновывает свое мнение тем, что признание права не названо как самостоятельный способ защиты права в ГК РФ. В том случае, когда лицо способно доказать в судебном процессе право собственности, однако имущество не будет ему возвращено, требования относительно имущества можно расценивать в качестве иска о признании права, так как новый владелец имущества приобрел его на законном основании [49, с. 12].

Опровергая данную точку зрения можно отметить, что при отсутствии в гражданском законодательстве непосредственного указания на допустимость применения признания вещного права в качестве способа защиты, недопустимо утверждение о непризнании гражданским правом рассматриваемого способа защиты в качестве самостоятельного. Так, вещно-правовой характер и самостоятельность рассматриваемого способа достаточно убедительно обосновал А.П. Сергеев, который называет этот способ абсолютным, что основано на отсутствие в качестве условия предъявления иска о признании права обязательственных отношений между истцом и ответчиком. При этом обязательно иск должен быть направлен на защиту индивидуально-определенной вещи. Указание на абсолютный характер признания вещного права применяется в обоснованиях судебных актов.

Например, при рассмотрении иска о признании права на вещь судом было указано на то, что предъявление данного иска допускается любым лицом, у которого имеются доказательства наличия у него заявленного права на вещь, которая должна быть определена индивидуально. Иск может предъявляться к любому лицу, которое, по мнению истца, нарушает его право [21].

Кроме того, анализ законодательства и судебной практики позволяет сделать вывод о том, что признание права является сугубо судебным способом защиты, поэтому применение этого способа не связано с наличием договорных отношений. Требование заявляется для того, чтобы суд констатировал перед третьими лицами факт принадлежности истцу определенного вещного права на

указанное им имущество. В некоторых случаях данный способ защиты применяется для констатации судом права на вещь перед определенным лицом.

Например, это проявляется в случаях предъявления ответчиками по первоначальному иску о сносе самовольного строения встречных требований о признании права собственности на него. Здесь признание права требуется в первую очередь для исключения возможности утраты имущества в случае удовлетворения требования конкретного лица (истца).

Так, в суд обратился орган местного самоуправления с требованием о сносе самовольного объекта строительства, степень готовности которого составляет 90%. После проведения судебной экспертизы, которой был подтвержден довод истца по основному иску о том, что ответчиком при строительстве занята часть земельного участка, на котором строительство не разрешено, а также после проверки доводов о возможности предъявления истца органом местного самоуправления, основной иск был удовлетворен, а в удовлетворении иска о признании права собственности на самовольное строение было отказано [22].

В качестве условий реализации признания права, как способа защиты, в литературе называются следующие:

1) Существование вещи, которая является объектом требований, в натуре, то есть вещь не может быть уничтожена или еще не создана. Однако судебная практика свидетельствует о том, что требования заявляются и в отношении объектов незавершенного строительства. При этом формулируются такие требования именно так: «признать право собственности на объект незавершенного строительства», а также указывается на процент готовности объекта, о чем свидетельствует приведенный выше пример и иные примеры судебных актов [23].

2) Наличие правовых оснований для признания права на вещь за заявителем. То есть, законодательно должны быть закреплены нормы, которые позволяют считать заявителя правообладателем вещи.

3) Отрицание или отказ признать право на вещь третьими лицами. При отсутствии такого основания заявление исковых требований перед судом не будет являться обоснованным. Более того, в этом нет необходимости. В этом случае суд может отказать в принятии искового заявления к производству, поскольку вопрос о приобретении права можно решить в ином порядке. В других случаях суд отказывает в удовлетворении иска, поскольку право не оспаривается, но существуют препятствия к его подтверждению. Например, такими исками являются иски к органу, которым регистрируется переход права собственности, который судами не признается лицом, оспаривающим право заинтересованного лица.

4) У заявителя должен присутствовать интерес к спорному имуществу.

Приведенный перечень условий применения права представляется правильным. Особенного внимания заслуживает такое условие, как наличие объекта в натуре, поскольку такое условие обязательно должно присутствовать в совокупности с наличием правового интереса у лица, которым заявляется требование о признании права. Такой подход применяется в судебной практике.

Так, в суд обратился арбитражный управляющий должника – юридического лица в деле о банкротстве, с требованием о признании права собственности на имущество – опалубку. Требования основаны на том, что в соответствии с поступившими от бывшего руководителя организации сведениями спорное имущество находится на земельном участке, который арендован истцом. Однако доказательств, которые бы безоговорочно свидетельствовали о приобретении истцом имущества, - нет. То есть, отсутствуют правоустанавливающие документы.

Судом истцу было отказано в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции согласился с решением суда первой инстанции. Такую же позицию занял суд кассационной инстанции, указав, что иск о признании права собственности представляет собой требование собственника, которым он констатирует перед другими субъектами факт принадлежности ему

абсолютного вещного права на вещь. В то же время ответчиком по иску является орган местного самоуправления, которые не нарушает прав истца. Так, ответчик имуществом не пользуется и не владеет, не претендует на него, а также не оспаривает право собственности истца. Из изложенного судом кассационной инстанции сделан вывод о том, что спор о праве между истцом и заявленным им ответчиком отсутствует, поэтому в иске отказано правомерно [26].

Представляется, что такая позиция является верной, она соответствует целям судебной защиты. То есть, признание права выступает одним из способов защиты права в отношении конкретной вещи. Поэтому использование данного способа защиты недопустимо в том случае, если право на вещь не оспаривается. О невозможности применения признания права на вещь можно говорить и в случае уничтожения или гибели вещи. Заявление требования о признании права на уничтоженную вещь, то применение этого способа защиты не повлечет восстановление права истца, а это не соответствует требованиям процессуального законодательства.

Кроме того, относительно права собственности в гражданском законодательстве закреплена специальная норма, которая предусматривает в качестве одного из оснований прекращения права собственности уничтожение вещи (статья 235 ГК РФ). В то же время аналогичная норма, которая бы применялась к другим вещным правам, в кодексе отсутствует. Представляется, что данный пробел в законодательстве требует устранения путем закрепления нормы о прекращении вещного права в результате уничтожения вещи.

Таким образом, в гражданском законодательстве отсутствует норма права, которая называла признание права в качестве способа защиты права. В то же время на сегодняшний день сформировалась обширная судебная практика, которой и восполняется пробел в законодательстве. Более того, иски о признании права собственности на практике встречаются гораздо чаще, чем, например, виндикационные иски. В частности, путем заявления требований о

признании права собственности часто реализуются притязания на самовольные строения, возведенные в отсутствие разрешения на строительство. Требования о признании права на вещь заявляются в случае отсутствия надлежащего выполнения требований законодательства о приобретении вещи в порядке наследования.

В настоящее время сформирован значительный по объему материал, как теоретического, так и практического характера, который подтверждает необходимость включения в ГК РФ нормы, называющей признание права в качестве отдельного способа защиты.

О развитии мысли о необходимости закрепления в законодательстве признания вещного права как способа защиты прав на недвижимость свидетельствует не только практика применения гражданско-правовых норм, но и правовая доктрина. Например, Е.А. Суханов приходит к выводу о том, что вещно-правовые способы защиты, предусмотренные ГК РФ, не приспособлены к защите вещных прав на недвижимость. Данное утверждение основано на том, что нормы главы 20 ГК РФ предназначены для защиты права собственности, при этом законодатель обходит вниманием защиту иных вещных прав. Кроме того, по утверждению Е.А. Суханова, в данных нормах не принимаются во внимание особенности защиты прав на недвижимость, которые состоят в обязательной регистрации, в связи с чем, споры в отношении недвижимости, в первую очередь, должны затрагивать запись в реестре недвижимости, именно они должны оспариваться [79, с. 270].

Согласимся с данным мнением, поскольку оно подтверждается практическим применением способов защиты права. Зачастую традиционные вещно-правовые способы защиты права оказываются неэффективными в том случае, когда предметом спора является недвижимость, что связано с государственной регистрацией права на недвижимость или отсутствием государственной регистрации. В отношении недвижимости наличие или отсутствие регистрации является юридически значимым обстоятельством. В

частности, регистрация права на недвижимость в ЕГРН за ответчиком может стать основанием для отказа в удовлетворении как негаторного, так и виндикационного иска. О необходимости обращения в таком случае к нетрадиционным способам защиты права пишет и В.В. Витрянский [35, с. 26-28].

Рассматривая признание вещного права как самостоятельный способ его защиты, необходимо обратить внимание на то, что в практической деятельности не реже, чем признание права, заявляются требования о признании права отсутствующим. Такая формулировка также отсутствует в законодательстве, что наравне с признанием права вызывает множество дискуссий. В частности, в литературе ряд авторов высказывает мнение о том, что признание права отсутствующим является самостоятельным средством защиты права, схожим с признанием права.

Например, Н.Н. Далбаева, сопоставляя указанные требования, в качестве различий указывает на негаторный и позитивный характер первого и второго, соответственно. Однако автор находит и ряд схожих черт между такими исками, к ним отнесены констатация судом наличия или отсутствия права, правоподтверждающий эффект [46, с. 14-19].

Что касается судебной практики, то данный способ защиты права судами признается. Например, Верховный Суд РФ, рассматривая кассационную жалобу на решение суда по делу о признании зарегистрированного права отсутствующим, указывает, что данный способ защиты применим только в случае, когда истец наделен вещным правом на имущество, а также имущество находится в его владении, при этом у него отсутствуют другие основания оспаривания регистрации права на недвижимое имущество за ответчиком. При этом, обращаясь с рассматриваемым иском, истец должен доказать не только наличие нарушений при государственной регистрации, но и факт нарушения своих прав в результате регистрации права ответчика. Кроме того, истец должен доказать порочность оснований возникновения права ответчика [17].

Представляется, что для более полного понимания признания вещного права как самостоятельного способа защиты вещных прав, этот способ, применяемый в исковых требованиях, можно сравнить с признанием обязательственного права. Как известно, вещные и обязательственные правоотношения традиционно разделены. Согласимся с Ю.С. Гамбаровым, который полагает, что вещное право характеризуется непосредственной связью между вещью и лицом, а обязательственные отношения предполагают, что предмет отношений поступает к управомоченному лицу посредством совершения действий обязанным лицом.

Правильным представляется позиция Т.Ю. Кочетковой, которая, отталкиваясь от противопоставления вещных и обязательственных правоотношений противопоставляет признание права как вещно-правовой и как обязательственный способ защиты. Она обоснованно утверждает, что в случае признания судом обязательственного права такое признание является только установлением юридически значимого факта, в то время как признание вещного права является самостоятельным способом восстановления права [58, с. 113-117].

В качестве примера сказанного можно привести ситуацию, в которой суд признает фактически сложившимися отношения социального найма жилого помещения. Однако тем самым право лица, которым заявлены такие требования не восстанавливается. Как правило, с требованием о признании обязательственного права заявляется требование, которое выступает основным, возможность удовлетворения которого связана с установлением юридически значимого факта. То есть, признание фактически сложившимися отношений социального найма жилого помещения является основание для заключения договора социального найма или приватизации жилого помещения.

Примером же признания вещного права является признание права собственности на недвижимое имущество, переданное по договору дарения. Истец в таком случае лишен иной возможности защитить собственное право,

так как право собственности зарегистрировано за ответчиком на основании договора дарения. Вынесение решения судом о признании права на имущество в таком случае является непосредственным способом восстановления права.

Таким образом, в действующем гражданском законодательстве отсутствует норма права, которая бы называла признание вещного права в качестве самостоятельного способа защиты права. Однако на сегодняшний день сформировалась обширная судебная практика, которой и восполняется пробел в законодательстве. Существующий значительный по объему материал, как теоретического, так и практического характера, подтверждает необходимость включения в ГК РФ нормы, называющей признание вещного права в качестве отдельного способа защиты. При этом признание вещного права необходимо, в первую очередь, для разрешения споров с недвижимостью, поскольку в данной сфере отношения осложнены регистрацией прав в ЕГРН, что препятствует эффективному применению традиционных исков для восстановления права. В связи с изложенным считаем целесообразным включить в ГК РФ статью 305.1, в которой указать на признание вещного права в качестве самостоятельного вещно-правового способа защиты.

Одним из актуальных вопросов применения признания вещного права как способа защиты права является вопрос о применении исковой давности в разрешении таких дел. Мнения исследователей этого вопроса разделены. Те исследователи, которые полагают, что исковая давность к признанию права не применима, обосновывают свою позицию тем, что рассматриваемый способ защиты применяется при оспаривании права, а не при его нарушении, при этом материально-правовое притязание к ответчику отсутствует. Сторонники противоположного мнения исходят из того, что длительное не обращение за защитой права свидетельствует об отсутствии интереса к вещи, а неприменение исковой давности негативно отражается на стабильности гражданского оборота.

Представляется, что первое из приведенных мнений является верным, поскольку вещное право является субъективным правом, и бездействие лица не свидетельствует об отказе от данного права. Такой подход применяется в судебной практике, однако в статье 208 ГК РФ, требование о признании права не закреплено в перечне исключений из правила о применении исковой давности. Судебные акты основываются на позиции ВС РФ, выраженной в пункте 7 Постановления Пленума от 29.09.2015 № 43. Вместе с тем в данном пункте указано только на неприменение исковой давности к требованиям о признании права (обременения) отсутствующим. Кроме того, как было отмечено выше, разъяснения ВС РФ не должны подменять правовые нормы. Поэтому представляется необходимым включение в статью 208 ГК РФ в качестве требования, на которое не распространяется исковая давность, требование о признании вещного права.

2.4 Исключение из описи

В юридической литературе, как правило, исключение из описи (или иск об освобождении от ареста) называется в качестве способа защиты такого правомочия собственника, как распоряжение. Иск об исключении из описи предъявляется в том случае, если при аресте имущества должника в опись включена вещь, не принадлежащая должнику. При этом лицо, которому принадлежит вещь, лишается права распоряжения данной вещью в связи с возложенными ограничениями. Материально-правовая природа данного иска позволяет многим исследователям относить его к числу негативных исков.

При этом в настоящей работе, как и в большинстве литературных источников, а также в законодательстве и судебной практике, понятие «иск об исключении из описи» используется в качестве тождественного понятию «иск об освобождении от ареста». Представляется, что в связи с тождественностью правовых последствий удовлетворения того и другого требования,

законодатель и правоприменительные органы рассматривают указанные понятия как равные. Данное утверждение также основано и на том, что арест налагается посредством составления описи имущества.

В правовой литературе встречается разграничение понятий описи и ареста имущества, где под арестом понимается ограничение правомочий правообладателя в отношении имущества, а опись выступает актом выявления имущественного состояния должника. В связи с чем, утверждается, что опись имущества играет служебную роль по отношению к аресту имущества [29, с. 13]. Утверждение о такой взаимосвязи понятий ареста и описи имущества представляется правильным.

Что касается законодательного закрепления рассматриваемых категорий, то в нормах процессуального права и Закона об исполнительном производстве отсутствует единый подход к их пониманию. Так, в АПК РФ ни то ни другое понятие практически не упоминаются. Лишь в статье 91 АПК РФ в качестве одной из обеспечительных мер названо освобождение имущества от ареста.

В ГПК РФ рассматриваемое средство защиты права два раза названо освобождением от ареста, в статье 30 об исключительной подсудности, в статье 102 о распределении судебных расходов. В двух других нормах понятия освобождение от ареста и исключения из описи использованы как тождественные, так как формулировка «исключение из описи» заключена в скобки, тем самым понятия можно считать равными.

В ФЗ «Об исполнительном производстве» законодатель применяет формулировку «освобождение имущества от наложения ареста», а фраза «исключение из описи» приведена после союза «или», что позволяет токовать рассматриваемые понятия в качестве двух разных понятий, которые наравне применимы в определенном случае. Так, в статье 119 указано, один или второй иск могут быть предъявлены в случае возникновения спора о принадлежности арестованного имущества.

Приведенные коллизии норм законов, касающихся освобождения имущества от ареста недопустимы, поэтому считаем, что законодатель должен исключить выявленные недостатки формулировок в правовых нормах. Мы считаем, что наиболее верной является формулировка «освобождение имущества от ареста». Согласимся с мнением о том, что наложение ареста на имущество складывается из двух шагов, первым из которых является составление описи имущества, а вторым – доведение до должника информации путем направления или вручения постановления о наложении ареста о том, что имущество является арестованным с момента составления описи. Что касается оспаривания ареста имущества и предъявления требований об исключении имущества из описи, то второе без первого не имеет самостоятельного значения.

Представляется, что правильное наименование рассматриваемого иска, как способа защиты вещного права, используется в Постановлении Пленума ВС РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 года [15], где рассматриваемый иск назван иском об освобождении от ареста, без проведение аналогии с исключением из описи.

Регулированию вопросов рассмотрения такого иска посвящены нормы процессуального законодательства и законодательства об исполнительном производстве. В качестве правового основания обращения с таким иском назван арест имущества, который производится службой судебных приставов в рамках реализации их полномочий по исполнению судебных актов. Согласимся с О.Ю. Глуховой в том, что в процессе рассмотрения иска об освобождении от ареста судом реализуется его надзорная функция за законностью действий органов исполнительной власти. Так, судом могут рассматриваться не только требования об освобождении от ареста и исключении из описи, но и вопрос о законности наложения ареста [40, с. 118-123].

До настоящего времени вопрос правовой природы иска об исключении из описи не достаточно изучен и остается дискуссионным. Ряд авторов не

выделяют иск об исключении из описи в качестве самостоятельного. Так, данный иск относят к числу негаторных или виндикационных. Некоторые исследователи придерживаются точки зрения, в соответствии с которой иск об освобождении от ареста, в зависимости от субъекта, право которого нарушено и характера принадлежащего ему права, может являться как негаторным, так и виндикационным.

Однако, отталкиваясь от анализа способов защиты вещных прав, а также от результатов исследования виндикационного и негаторного исков, мы считаем, что правильным является отнесение исков об исключении из описи к самостоятельной группе вещно-правовых исков.

Что касается практики применения законодательства судами, то из содержания судебных актов также можно сделать вывод об отсутствии единого подхода к правовой природе рассматриваемого иска. Достаточно часто такому иску дается оценка как иску негаторному. Так, в одном из судебных постановлений требования об исключении имущества из описи названы судом требованиями, имеющими негаторный характер, поскольку такой иск подается и рассматривается согласно требованиям статьи 304 ГК РФ. В связи с указанным при рассмотрении гражданского дела арбитражным судом был сделан вывод о том, что иск об освобождении от ареста не должен оцениваться в качестве юридически значимого обстоятельства добросовестности приобретателя имущества, поскольку требования заявлены таким образом, что вопрос об истребовании имущества не ставится. То есть, требования статьи 302 ГК РФ в данном случае не подлежат применению [27].

В литературе противники отнесения иска об освобождении от ареста к искам негаторного характера отталкиваются от того, что негаторный иск можно считать обоснованным в том случае, если собственник вещи в результате действий ответчика не может реализовать свои правомочия, однако он данных правомочий не лишен. При этом утверждается, что негаторным иск необходимо считать тогда, когда нарушение прав последовало в результате совершения

ответчиком неправомерных действий. В том случае, когда действия ответчика соответствуют закону или договору, собственник не вправе предъявлять иск о прекращении данных действий (устранении препятствий), в том числе, в тех случаях, когда действия третьего лица нарушают права собственника [82, с. 69].

Применяя данное утверждение к иску об освобождении из описи мы отмечаем, что наложение ареста (правомерное или нет) влечет ограничение возможности реализации собственником правомочия по распоряжению, а часто – по владению и пользованию. Например, одним из судебных актов установлено, что иск негативного характера вправе предъявить только тот собственник, который владеет вещью, к лицу, действиями которого создаются препятствия в распоряжении и пользовании имуществом. Такой иск предполагает обязательность указания при его подаче на доказательства, которыми будет подтвержден факт нарушения прав собственника и факт наличия у истца данного права [20].

Что касается вопроса об отнесении иска об освобождении от ареста к числу виндикационных исков, то данное утверждение основано на том, что рассматриваемый иск является следствием утраты собственником имущества из владения, а статья 301 ГК РФ позволяет как раз истребовать имущество из чужого незаконного владения. Однако, мы считаем, что такое отождествление недопустимо. В данном случае разница заключается в различном статусе ответчиков по иску.

Если виндикационный иск предполагает незаконность получения имущества ответчиком, то есть отсутствует законное основание перехода владения имуществом от собственника к иному лицу. В то же время добросовестный приобретатель до получения сведений о притязаниях на имущество от собственника считает себя собственником имущества и реализует соответствующие правомочия. Таким образом, разрешение виндикационного иска находится в зависимости от обстоятельств приобретения

имущества ответчиком и добросовестности лица, приобретающего имущество [86, с. 221-223].

В то же время для предъявления иска об освобождении имущества от ареста главным условием является вынесение судебным приставом-исполнителем административного акта – постановления о наложении ареста, а также составление описи, в которую включается имущество. При этом в случае отказа судом в удовлетворении иска должник не становится собственником вещи.

Кроме того, справедливо утверждение о разнонаправленности сравниваемых исков. В частности, виндикационный иск имеет целью возвращение имущества законному владельцу (собственнику), в то время как взыскатель в исполнительном производстве не является незаконным владельцем имущества [39, с. 194-195]. Наличие оснований для удовлетворения иска об освобождении от ареста обусловлено законностью или незаконностью действий пристава [66, с. 91].

Определяя правовую природу иска об исключении из описи необходимо обратить внимание и на поддерживаемые в правовой литературе точки зрения, согласно которым такой иск или относится к искам о признании права или вовсе не выделяется в качестве средства защиты вещного права. Так, В.А. Тархов и В.П. Рыбаков неким универсальным способом защиты вещного права считают негаторный иск, который, по мнению авторов, допустим при наличии любых нарушений, не связанных с лишением владения.

Мнение, поддерживаемое Е.А. Сухановым заключается в том, что иск об исключении из описи следует считать особым иском о признании права собственности. Более того, встречается и обоснование позиции, в соответствии с которой само требование об освобождении от ареста является видом признания права, так как основное требование заключается в побуждении к совершению определенного действия [76, с. 115]. Однако последнюю позицию нельзя считать обоснованной, так как в таком случае к искам о признании права

можно отнести любой иск, предмет которого состоит в побуждении к действию.

Таким образом, исходя из изложенного, мы считаем, что иск об исключении из описи является самостоятельным средством вещно-правовой защиты. Предъявление такого иска в суд является способом реализации права на судебную защиту, предоставленного Конституцией РФ. На примере гражданского процесса рассмотрим основания и порядок предъявления такого иска. В соответствии со статьей 264 ГК РФ собственник наделен правом требования устранения любых нарушений названного права. То есть, собственник имущества, которое является объектом ареста и включения в опись, наделен правом на защиту его прав.

Истцом в рассматриваемом иске может выступать лицо, которое считает себя собственником имущества, в отношении которого у судебного пристава-исполнителя имеются сведения о принадлежности данного имущества должнику. При этом в соответствии со статьей 442 ГПК РФ в исковом производстве такой спор рассматривается в том случае, когда истцом выступает лицо, не участвующее в исполнительном производстве (третье лицо).

Требования об исключении из описи должны быть предъявлены к сторонам исполнительного производства, а в случае реализации арестованной вещи на момент обращения с иском, ее приобретатель также привлекается в качестве ответчика.

Одним из дискуссионных вопросов в теории и практике является вопрос о распределении судебных расходов по искам об исключении из описи. Суды удовлетворяют заявления взыскателей о признании незаконным бездействия судебного пристава-исполнителя, воздерживающегося от ареста вещей должника, являющегося обычным предметом для его домашнего обихода, поскольку в действующем законе четко не указано, какие конкретные вещи пользуются иммунитетом от взыскания, т.к. являются предметами домашнего

обихода. В ГПК РФ определено, на какое имущество нельзя обращать взыскание.

С другой стороны, отдельные судебные акты показывают, что удовлетворяются иски третьих лиц об освобождении от арестов неликвидных предметов домашнего обихода, если истцы предъявляют какие-либо документы, подтверждающие, казалось бы, принадлежность данных предметов истцам. При этом суды, как показывают результаты авторских исследований, относятся к представленным доказательствам без всякой критики (разумеется, если речь идет о неликвидном, труднореализуемом имуществе).

Так как иски об исключении из описи достаточно часто удовлетворяются судами, встает вопрос относительно обоснованности возложения судебных расходов на бюджет, когда такие расходы понесены истцами, требования которых удовлетворены. Законодательно закреплено, что судебные расходы истца, требования которого об освобождении имущества от ареста удовлетворены, возмещаются ему за счет средств соответствующего бюджета (часть 2 статьи 102 ГПК РФ).

Так, Красноярский краевой суд Апелляционным определением от 26.09.2012 года по делу № 3-8276/2012 признал верным решение суда первой инстанции об освобождении имущества от ареста. В соответствии с этим решением с казны государства в лице Минфина РФ в пользу истца взысканы расходы на оплату истцом госпошлины, а также расходы на оплату истцом услуг представителя.

Следует согласиться с тем, что норма части 2 статьи 102 ГПК РФ основана на теоретических взглядах на иск об исключении из описи, как на иск о признании акта публичной власти недействительным, так как арест на имущество накладывается на основании решения должностного лица – судебного пристава-исполнителя. Удовлетворение иска является своеобразным признанием акта об аресте недействительным [50, с. 84-85].

Что касается арбитражного процесса, то в АПК РФ не закреплено правило, по содержанию аналогичное правилу, установленному частью 2 статьи 102 ГПК РФ. Это позволяет сделать вывод о невозможности считать иск об освобождении имущества от ареста иском, который фактически предъявляется к публичной власти.

При этом правоприменительными органами, в частности, судами, осознается то противоречие, которое существует между положениями части 2 статьи 102 ГПК РФ и частноправовым характером иска об освобождении имущества от ареста. Например, Красноярский краевой суд апелляционным определением от 26.09.2012 года по делу № 33-8359/2012 принял решение о взыскании истцу, в пользу которого состоялось решение об освобождении имущества от ареста, судебные расходы с одного из ответчиков, а не с федерального бюджета.

Размещенный в общем доступе текст определения не позволяет установить, взысканы расходы с должника или взыскателя. Однако представляется правильным взыскание расходов с должника, поскольку именно он должен нести риск удовлетворения требования третьего лица в отношении спорного имущества, так как именно действиями или бездействием должника допускается наложение ареста на не принадлежащее ему имущество.

В то же время нельзя не принимать во внимание то обстоятельство, что имущество, которое находится у должника, подвергается аресту по требованию взыскателя. Поэтому возлагать расходы на должника в любом положении дел также несправедливо.

Кроме того, часто возникает ситуация, при которой судебный пристав-исполнитель включает в опись имущество, которым в быту пользуется должник, однако эти вещи на праве собственности принадлежат супругу или родственнику, с которым в одной семье проживает должник. В этом случае оплата судебных расходов третьим лицом осуществляется из семейного бюджета, в таком случае возложение расходов на должника означает

возложение расходов на бюджет его семьи. Фактически собственник вещи получит решение о взыскании суммы расходов с должника, который является членом его семьи, тем самым будет осложнено понимание субъектного состава правоотношений.

В то же время судебный пристав-исполнитель за осуществление им исполнительных действий, направленных на погашение задолженности, взыскивает в доход бюджета исполнительский сбор, тем самым бюджет посредством действий пристава получает доход, поэтому и государство должно нести риск наступления неблагоприятных последствий удовлетворения иска об исключении из описи.

Таким образом, вопрос относительно распределения судебных расходов по иску об исключении из описи, до настоящего времени не имеет однозначного ответа и правильного решения. Представляется, что отсутствие ответа на этот вопрос отражается и в судебной практике, в противном случае не выносились бы противоречивые решения.

В настоящее время в связи с тем, что проблема распределения судебных расходов по искам об освобождении имущества от ареста обсуждается, очевидно, что опись нотариусом имущества, которое осталось после смерти наследодателя, если данная опись произведена после смерти последнего, а также запрет распоряжения имуществом нотариусом, не является арестом в том смысле, который придается данному понятию, когда речь идет об исках, направленных на исключение имущества из описи. В то же время, например, Т.П. Подшивалов считает, что арест имущества, который осуществляется в порядке применения мер обеспечения иска, а также для обращения взыскания на имущество должника и совершается приставами-исполнителями, если арест направлен на конфискацию имущества или исполнение судебного решения, а также арест нотариусом в качестве меры, направленной на охрану наследуемого имущества, допустимы [70, с. 62].

Ранее мы отметили, что в соответствии с частью 2 статьи 102 ГПК РФ в случае удовлетворении иска об исключении имущества из описи судебные расходы подлежат возмещению за счет средств соответствующего бюджета. Если же суд удовлетворяет требования иска об исключении из описи, составленной нотариусом, наследственного имущества, возмещение судебных расходов осуществляется за счет наследников, в интересах которых нотариусом была составлена такая опись. То есть, можно говорить о том, что нотариус, запрещая распоряжение наследственным имуществом, не налагает на него арест, а включает в опись.

В научной литературе присутствует дискуссия об отнесении иска об исключении из описи к негаторным или виндикационным. Ранее мы поднимали данный вопрос, говоря о природе иска об исключении имущества из описи. Приведены примеры из судебной практики, то есть решений судов, в которых соответствующие требования квалифицируются в качестве негаторных или виндикационных.

Кроме того, стоит отметить, что в проекте новой редакции Гражданского кодекса было предложено включить институт иска об освобождении имущества из-под ареста наравне с другими исками, направленными на защиту вещного права. То есть, необходимо признать преимущество за тем взглядом, в соответствии с которым иск об исключении из описи является самостоятельным иском, который имеет место наряду с виндикационным и негаторным иском.

В то же время в литературе высказывается и другое мнение, согласно которого иск об исключении имущества из описи является иском, который следует включать не в систему материальных исков, а в число процессуальных исков [72, с. 14-18].

Автор обосновывает свою точку зрения тем, что иск об освобождении имущества из-под ареста, в отличие от ряда других исков (например, об исключении имущества из состава супружеского), которые могут быть

квалифицированы с точки зрения материального гражданского права как вещные иски, обязательственные иски, наследственные иски, может выступать и иском о признании права собственности и иском о возмещении вреда. О первом варианте можно говорить тогда, когда должник и взыскатель не признают право истца на вещь, а о втором – при гибели описанного имущества.

С приведенной точкой зрения нельзя согласиться, поскольку иск об исключении имущества из описи выделяется в качестве такового. В том числе, путем анализа предмета иска. То есть, истцом не заявляются требования ни о признании права собственности, ни о возмещении вреда. Данные требования заявляются в качестве отдельных видов исков.

В то же время следует согласиться с В.С. Родионовой в том, что иск об исключении имущества из описи представляет собой своеобразную категорию, отличную от обычного иска, так как требования истцом предъявляются не к ответчику, а к суду. Поэтому судебное решение является достаточным актом для того, чтобы освободить имущество от ареста, в отсутствие необходимости принятия отдельного акта судебным приставом-исполнителем.

Однако мнение о том, что в рассматриваемой категории дел судебный пристав-исполнитель должен участвовать в качестве третьего лица на стороне ответчиков, представляется неверным. Следуя такой логике, третьими лицами можно было бы считать, например и наследников, при предъявлении иска о признании права собственности одним из наследников на имущество.

К последним иск предъявляется только формально. Должник и взыскатель являются формальными ответчиками, поскольку невозможно предъявление иска к судебному приставу-исполнителю, являющемуся должностным лицом, а не субъектом гражданского права. В действительности, иск об освобождении имущества от ареста – это не иск к взыскателю и должнику, а иск к органу публичной власти, жалоба, которую предпочитают рассматривать в исковом производстве, а не в административном судопроизводстве. Иск об исключении имущества из описи в ходе судебного

разбирательства приобрести предмет – материально-правовое требование истца к ответчикам (о возврате вещи, переданной приставом взыскателю в погашение долга по исполнительному производству). Это не означает, что произойдет изменение сущности иска, ведь для удовлетворения данного требования придется разобрать вопрос о правомерности включения истребуемой вещи в опись имущества, подвергаемого аресту.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенное в работе позволяет сделать следующие выводы и предложения.

В связи с изложенным считаем, что нарушением права является деяние (действие или бездействие), совершенное физическим или юридическим лицом, которое препятствует реализации субъективного гражданского права другим лицом. Закрепление данного положения в гражданском законодательстве позволило бы четко понимать сущность нарушения права, а также выделить виды нарушений, установив для каждого определенные способы защиты. Тем самым в ГК РФ можно было бы закрепить не только общие способы защиты, но и способы защиты, использование которых допустимо исключительно для защиты вещных прав. Результатом такого закрепления станет большая очевидность выбора способа защиты вещного права лицами, обращающимися в суд.

Правильное определение названных в законодательстве и актах высших судов признаков, как обязательных для предъявления определенного иска, направленного на защиту вещного права, позволяет выбрать верный способ защиты права. Так, следует отграничивать, виндикационный иск от иска о неосновательном обогащении, виндикационный иск от негаторного. В первом случае предметом иска является индивидуально определенная вещь, во втором – эквивалент ее стоимости, вещь, которая определяется родовыми признаками, как правило, деньги. Дискуссионными остаются вопросы о выделении исключения из описи в качестве самостоятельного способа защиты вещного права.

В то же время не всегда выводы правоприменительных органов соответствует теоретическим разработкам относительно случаев применения того или иного иска и обоснованности его удовлетворения. В частности, для исключения вопроса о соотношении и конкуренции виндикационного иска с

другими исками, направленными на защиту права, необходимо отталкиваться от того, что для договорных отношений, которые имеются между сторонами, достаточно применение правовых норм, направленных на регулирование соответствующего договора. Кроме того, здесь применяются общие положения о сделках, которыми предусмотрены основания для признания сделки ничтожной, то есть не порождающей при ее совершении каких-либо правовых последствий. Такие нормы достаточны для приведения сторон в положение, исключающее нарушение права, в то время как предъявление виндикационного иска допустимо в случаях, когда вещь выбывает из владения собственника по иным основаниям, не связанным с заключением гражданско-правовой сделки собственником.

Верховный Суд РФ в постановлениях Пленума выходит за пределы содержания норм права, тем самым фактически закрепляя новые нормы, которыми должны руководствоваться суды при рассмотрении конкретных гражданско-правовых споров. Это влечет применение таких норм не только судами, но и участниками гражданско-правовых отношений в связи с тем, что они ориентируются на судебную практику как на перспективу разрешения спора, который может возникнуть в конкретных отношениях. Представляется, что описанная ситуация связана с тем, что законодателем допускаются упущения в сфере восприятия судебной практики в законодательстве. Высшие суды должны не дополнять закон, а инициировать устранение пробелов, выявленных в процессе применения правовых норм при рассмотрении гражданских дел, в законодательстве. Официальные же толкования, которые необходимы для формирования единообразной судебной практики могут являться только временной мерой, до внесения соответствующих изменений в нормативные акты. В противном случае не реализуется принцип разделения властей, который является одним из основополагающих в правовом государстве.

Что касается негаторного иска, то он представляет собой вещно-правовое требование, которое связано с понуждением к совершению действий, устраняющих нарушение права собственности, или с понуждением к прекращению определенных действий, которыми нарушаются права собственника. Данный иск реализуется в пределах самостоятельного охранительного правоотношений. Негаторной защитой при этом следует считать материально-правовое требование восстановительного характера, не основанное на договоре, предъявляемое в отношении индивидуализированной вещи, имеющейся в натуре. Такой иск можно считать иском о пресечении действий, его удовлетворение является основанием для пресечения в будущем действий, которые могут создать собственнику или другому титульному владельцу препятствия в пользовании вещью. Представляется, что для российского гражданского права актуальным является закрепление в законодательстве как одного из оснований предъявления негаторного иска угрозы нарушения права титульного владельца.

В действующем гражданском законодательстве отсутствует норма права, которая бы называла признание вещного права в качестве самостоятельного способа защиты права. Однако на сегодняшний день сформировалась обширная судебная практика, которой и восполняется пробел в законодательстве. Существующий значительный по объему материал, как теоретического, так и практического характера, подтверждает необходимость включения в ГК РФ нормы, называющей признание вещного права в качестве отдельного способа защиты. При этом признание вещного права необходимо, в первую очередь, для разрешения споров с недвижимостью, поскольку в данной сфере отношения осложнены регистрацией прав в ЕГРН, что препятствует эффективному применению традиционных исков для восстановления права. В связи с изложенным считаем целесообразным включить в ГК РФ статью 305.1, в которой указать на признание вещного права в качестве самостоятельного вещно-правового способа защиты.

Одним из актуальных вопросов применения признания вещного права как способа защиты права является вопрос о применении исковой давности в разрешении таких дел. Мнения исследователей этого вопроса разделены. Те исследователи, которые полагают, что исковая давность к признанию права не применима, обосновывают свою позицию тем, что рассматриваемый способ защиты применяется при оспаривании права, а не при его нарушении, при этом материально-правовое притязание к ответчику отсутствует. Сторонники противоположного мнения исходят из того, что длительное не обращение за защитой права свидетельствует об отсутствии интереса к вещи, а неприменение исковой давности негативно отражается на стабильности гражданского оборота.

Представляется, что первое из приведенных мнений является верным, поскольку вещное право является субъективным правом, и бездействие лица не свидетельствует об отказе от данного права. Такой подход применяется в судебной практике, однако, в статье 208 ГК РФ, требование о признании права не закреплено в перечне исключений из правила о применении исковой давности. Судебные акты основываются на позиции Верховного Суда РФ, выраженной в пункте 7 Постановления Пленума от 29.09.2015 № 43. Вместе с тем в данном пункте указано только на неприменение исковой давности к требованиям о признании права (обременения) отсутствующим. Кроме того, как было отмечено выше, разъяснения Верховного Суда РФ не должны подменять правовые нормы. Поэтому представляется необходимым включение в статью 208 ГК РФ в качестве требования, на которое не распространяется исковая давность, требование о признании вещного права.

Приведенные в работе противоречия положений норм законодательства относительно иска об освобождении от ареста недопустимы, поэтому считаем, что законодатель должен исключить выявленные недостатки формулировок в правовых нормах. Мы считаем, что наиболее верной является формулировка «освобождение имущества от ареста». Согласимся с мнением о том, что

наложение ареста на имущество складывается из двух шагов, первым из которых является составление описи имущества, а вторым – доведение до должника информации путем направления или вручения постановления о наложении ареста о то, что имущество является арестованным с момента составления описи. Что касается оспаривания ареста имущества и предъявления требований об исключении имущества из описи, то второе без первого не имеет самостоятельного значения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2014. - № 31. - Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Российская газета, № 238-239. - 08.12.1994.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Российская газета. - № 233. - 28.11.2001. - (ред. от 03.08.2018).
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Российская газета, № 211-212. - 30.10.2001.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета. - № 220. - 20.11.2002. - (ред. от 26.07.2019)
6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2018) // Российская газета, № 137, 27.07.2002.
7. Федеральный закон от 10.01.2003 № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // Российская газета. - № 8. - 18.01.2003. - (ред. от 03.07.2016).
8. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Российская газета. - № 168. - 30.07.2010. - (ред. от 23.07.2013).

9. Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ (ред. от 04.03.2013) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета, № 3, 11.01.2013.

10. Постановление Правительства РФ от 02.03.2005 № 111 (ред. от 26.12.2018) «Об утверждении Правил оказания услуг по перевозкам на железнодорожном транспорте пассажиров, а также грузов, багажа и грузобагажа для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности» // Российская газета, № 54, 18.03.2005.

11. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. - 1991. - № 26. - Ст. 733.

12. Закон РСФСР от 24.12.1990г. № «О собственности в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. - 1990. - № 30. - т. 416.

Материалы судебной практики

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П // Вестник Конституционного Суда РФ, № 3, 2003.

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 7, июль, 2010.

15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 7, июль, 2010.

16. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2011 года» // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2012, № 6.
17. Определение Верховного Суда РФ от 13.09.2017 № 306-ЭС17-12659 по делу № А57-27197/2015 // СПС Консультант Плюс.
18. Постановление Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 № 17802/11 по делу № А40-99191/10-113-875 // Вестник ВАС РФ, 2012, № 10.
19. Постановление Президиума ВАС РФ от 11.03.2014 г. № 15324/13 по делу № А09-7111/2012 // СПС Консультант Плюс.
20. Определение ВАС РФ от 26.03 2010 г. № ВАС-3266/10 по делу № А27-5321/2009-1 // СПС Консультант Плюс.
21. Определение Верховного Суда РФ от 14.11.2019 № 308-ЭС19-14740 по делу № А63-2078/2016 // СПС Консультант Плюс.
22. Определение Верховного Суда РФ от 11.11.2019 № 308-ЭС19-19873 по делу № А63-7529/2015 // СПС Консультант Плюс.
23. Определение Верховного Суда РФ от 09.08.2019 № 310-ЭС19-12225 по делу № А84-974/2018 // СПС Консультант Плюс.
24. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 17.05.2018 № 01АП-3303/2018 по делу № А43-39787/2017 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Консультант Плюс.
25. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 23.11.2017 № Ф02-6139/2017 по делу № А58-1633/2017 // СПС Консультант Плюс.
26. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17.04.2019 № Ф01-918/2019 по делу № А79-5617/2018 // СПС Консультант Плюс.
27. Постановление ФАС Поволжского округа от 21.02.2006 г. № А72-2524/05-22/108 // Правосудие в Поволжье. – 2006. – № 5
28. Апелляционное определение Омского областного суда от 04.06.2014 г. по делу № 332968/14. URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113887/html. Дата обращения: 26.08.2019г.

Специальная литература

29. Абрамова А.И. Судопроизводство по делам об освобождении имущества от ареста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. С. 13.
30. Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. С. 108 - 109.
31. Аскназий С.И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права. - М.: Статут, 2008. - С. 611.
32. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М.: Статут. - 2011. - С. 564 - 566.
33. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 10 - 13.
34. Бычков А.И. Ненадлежащий способ защиты права // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 9. С. 14 - 17.
35. Витрянский В.В. Актуальные проблемы судебной защиты права собственности на недвижимость // Гражданское право современной России. М., 2008. С. 26-28.
36. Внуков Н.А. Особенности альтернативного порядка урегулирования гражданско-правовых споров по потребительским договорам // Цивилист. - 2012. - № 3. - С. 47 - 55.
37. Вопленко Н.Н. Понятие, основные признаки и виды правонарушения // Legal Concept, № 7, 2005, С. 6-17.
38. Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. СПб., 1911. Т. 1. Часть Общая. С. 380.
39. Генкин Д.М. Право собственности в СССР / Д. М. Генкин. – М. : Госюриздат, 1961. С. 194-195.

40. Глухова О.Ю. Особенности освобождения имущества от ареста и исключения из описи в арбитражном процессе // Социально-экономические явления и процессы, № 1, 2017, С. 118-123.

41. Гонцов Н.И., Реутов В.П. О юридической природе и видах предписаний, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Юридические науки, № 3 (25), 2014, С. 10-22.

42. Гражданское право. В 2-х томах. Под ред. Суханова Е.А. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Волтерс Клувер, 2004-2005.

43. Гражданское право: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1999. Т. 1. С. 445.

44. Гражданское право: Учебник. Т. 1 / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. 6-е изд. - М., 2002. - С. 402.

45. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. Изд. 2-е, стереотип. - М.: Статут, 2001. – С. 217.

46. Далбаева Н.Н. Признание права отсутствующим в системе способов защиты гражданских прав // Пролог: журнал о праве, № 2, 2017, С. 14-19.

47. Дернова Д.В. Неюрисдикционные формы и средства разрешения частноправовых конфликтов (общие положения) // Администратор суда. 2015. № 4. С. 21 - 25.

48. Защита гражданских прав: избранные аспекты: сборник статей / Ю.Н. Алферова, Ю.В. Байгушева, Ю.В. Виниченко и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2017. С. 324.

49. Зевайкина А. Иски о признании права собственности // Рос. юстиция. 2001. №8. С. 12.

50. Иванов А.А. Правовые средства защиты права частной собственности // Известия вузов. Правоведение. 2001. № 6. С. 84 - 85.

51. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955. С. 55.

52. Иоффе О.С. Советское гражданское право. М.: Юрид. лит. 1967. С. 314-315.
53. Керимов Т.Д. Негаторный иск как способ защиты нарушенных прав собственника // Вопросы науки и образования, № 7 (8), 2017, С. 75-77.
54. Колесник И.В. Влияние правоприменительной технологии на современное правотворчество // Вестник Нижегородской академии МВД России. Сер.: Юридическая наука и практика. 2011. №3(16). С. 22–29.
55. Концепция развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе / Под общ. ред. В.В. Витрянского, О.М. Козырь, А.А. Маковской. М., 2004. С. 7.
56. Концепция развития законодательства о вещном праве // Вестник ВАС РФ. 2009. №4. С. 48.
57. Косенко Е.В. Современные проблемы применения виндикационного иска // Вестник Поволжского института управления, № 4 (43), 2014, С. 46-51.
58. Кочеткова Т.Ю. О вещно-правовой и обязательственной природе исков о признании права собственности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, № 4, 2018, С. 113-117.
59. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве // Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2 т. - Т. 2. - М.: Статут, 2005. - С. 234.
60. Краснова С.А. Субъекты активной легитимации по виндикационному иску // Вестник Омского университета. Серия «Право», № 4 (33), 2012, С. 72-80.
61. Крашенинников Е.А. Структура субъективного права // Построение правового государства: вопросы теории и практики. Ярославль, 1990. С. 72 - 82.
62. Кузбагаров А.Н. Примирение сторон по конфликтам частноправового характера. СПб., 2010. С. 78.

63. Матузов Н.И. О праве в объективном и субъективном смысле: гносеологический аспект // Известия вузов. Правоведение. 1999. № 4. С. 138.
64. Мейер Д.И. Русское гражданское право: В 2 ч. М., 1997. Ч. 1. С. 222.
65. Москалец М.А. Субъективные права и объекты права собственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. - № 2. - 2010. - С. 134-141.
66. Никольский С.В. Гражданско-правовая защита имущественных прав : дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Никольский. – Саратов, 2003. С. 91.
67. Новицкий И.Б. История советского гражданского права. - М.: Госюриздат, 1957. - С. 33 - 34.
68. Овдиенко Е.Б. Современное понимание добросовестности в гражданском праве // Российская юстиция. 2017. № 8. С. 2 - 3.
69. Подшивалов Т.П. Негаторный иск: сущность и элементный состав // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право, № 19 (152), 2009, С. 87-91.
70. Подшивалов Т.П. Освобождение имущества от ареста: проблема квалификации требования // Закон. 2010. № 6. С. 62.
71. Потапенко С.В., Зарубин А.В. Настольная книга судьи по спорам о праве собственности / Под ред. С.В. Потапенко. М.: Проспект, 2012; СПС Консультант Плюс.
72. Родионова В.С. Проблема распределения судебных расходов по делам об освобождении имущества от ареста (исключении из описи) и замечания к теории иска // Исполнительное право. 2014. № 2. С. 14 - 18.
73. Рыбаков В.А. О дозвольтельном методе и диспозитивном типе правового регулирования // Юридическая наука. - 2016. - № 4.
74. Сборник научных трудов по материалам XVII Международной научно-практической конференции (г.-к. Анапа, 11 ноября 2019 г.). [Электронный ресурс]. – Анапа: Изд-во «НИЦ ЭСП» в ЮФО, 2019. - 170 с.

75. Семенов В.В. Виндикация: вопросы теории и судебной практики // Российская юстиция. 2016. № 2.
76. Серегина О.Л. Иск о признании права собственности : дис. ... канд. юрид. наук / О. Л. Серегина. – Волгоград, 2007. С. 115.
77. Синицын С.А. Негаторный иск в российском и зарубежном праве // Журнал российского права. 2014. № 4. С. 84 - 101.
78. Скловский К.И. Применение гражданского законодательства о собственности и владении. Практические вопросы. – М. 2004.
79. Суханов Е.А. Вещное право: Научно-познавательный очерк. – М.: Статут. – 2017. – С. 33.
80. Теория государства и права. М., 1948. С. 481.
81. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб., 1999. С. 152.
82. Тыртычный С.А. Защита имущественных прав собственника по современному российскому законодательству : дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Тыртычный. – М., 2004. С. 69.
83. Уруков В.Н. Виндикация похищенного у собственника имущества путем заключения гражданско-правовой сделки: отдельные вопросы теории и практики // Вестник арбитражной практики. 2012. № 5. С. 5–12.
84. Формакидов Д.А. Вещное право проживания : монография - М. : ИНФРА-М, 2018. - 142 с.
85. Чеговадзе Л.А. Основания, способы и меры защиты гражданских прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 74 - 78.
86. Черепяхин Б.Б. Виндикационные иски в советском праве / Б. Б. Черепяхин // Черепяхин Б.Б. Труды по гражданскому праву. – М. : Статут, 2001. С. 221-223.
87. Ячменев Ю.В. Гражданско-правовая защита имущественных прав граждан и организаций. СПб., 2009. С. 70.